

Кирилл
КАЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ

В ЗАКОНЕ

**СТРЕЛЯЙ ВВЕРХ —
НЕ ПРОМАХНЕШЬСЯ**

Оборотни в законе

Кирилл Казанцев

Стреляй вверх – не промахнешься

«ЭКСМО»

2012

Казанцев К.

Стреляй вверх – не промахнешься / К. Казанцев — «Эксмо»,
2012 — (Оборотни в законе)

ISBN 978-5-699-53645-0

Спецоперация в Таджикистане едва не провалилась. Слишком большую цену пришлось заплатить спецназу за уничтожение наркодельца Бобошерава. Бойцов «подставили» как местным спецслужбам, так и наркоторговцам. Они чудом вернулись в Россию, потеряв одного из своих боевых друзей. Банковские счета, на которых хранились деньги для проведения операции, оказались заблокированными. А те, кому было выгодно обречь спецназовцев на смерть, находятся на самом верху власти... Но бойцы не привыкли проигрывать. И их командир, майор Рождественский, принимает решение продолжить боевые действия. Он хочет найти тех, кто пытался погубить спецназ...

ISBN 978-5-699-53645-0

© Казанцев К., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
1	8
2	11
Глава 2	16
1	16
2	20
3	22
Глава 3	24
1	24
2	28
3	30
4	31
Глава 4	34
1	34
2	39
3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кирилл Казанцев

Стреляй вверх – не промахнешься

60-летию спецназа ГРУ

Все события, имена, фамилии, названия стран, населенных пунктов, учреждений и коммерческих организаций – порождение фантазии автора. Любые совпадения случайны, аналогии – непропорциональны.

Пролог

1991 год. Лето

Майор Старостин сегодня не стал брать машину, недавно купленную им модную «девятку». Оставил ее возле дома. Сам же поехал на метро. Не из врожденной или приобретенной за годы службы склонности к мазохизму. В часы пик в толпе спешащего на работу народа гораздо легче затеряться. Вот и прыгал. С поезда на поезд, с направления на направление. В вагоне, мчавшемся темным тоннелем, до боли в глазах вглядывался в лица попутчиков – а не мелькнет ли ненароком знакомое, то, что уже виделось ранее, в другом вагоне или на другом перегоне. Не мелькало... Хотя это ровным счетом ничего еще не значило – те, кто мог преследовать майора, были профессионалами и не позволили бы себя «выкупить» так просто и даже глупо. Потому и приходилось нарезать круг за кругом, прорисовывая свой маршрут в самых невероятных загогулинах и кренделях.

А потом, когда возможные преследователи должны были немного расслабиться, мотая уже третий по счету круг, резкий уход в сторону. Проходной подъезд, проходной двор, другая улица, таксист-частник, везущий Старостина в одну сторону. После выхода из машины – новый каскад проходняков, почти бегом, на пределе. Снова такси – благо, сейчас время такое, что каждый автолюбитель старается лишнюю рублевку-другую срубить – и на противоположный конец города.

Только после этого майор немного успокоился. Даже если хвост и был – что вовсе не факт, а нечто из области предположений, – он его успешно отсек. Наружка, собственно, таким образом и отсекается – обозначается ложное направление движения, а потом, с помощью «домашних заготовок», заранее разработанных маршрутов, насыщенных разного рода ловушками и неожиданными поворотами, уходишь от наблюдения.

Теперь можно и не спешить. Время до встречи еще есть, и Старостин решил немного пройтись. Шел не спеша, отдыхая, расслабляясь после нервного напряжения, в котором пребывал несколько часов, и предельной концентрации внимания. Тоже, знаете ли, работа. И не самая простая.

А вот и нужный дом. Тихий дворик, подъезд во дворе укрыт густыми зарослями кустарника. Дверь подъезда приоткрыта, как будто приглашает, как кавказский шашлычник на рынке: «Захады, дарагой!» Можно и зайти. Осторожно ступая, внимательно оглядываясь по сторонам, чутко вслушиваясь в звуки подъезда – а не мелькнет ли среди обычного, ничего не значащего дыхания многоэтажного дома нечто лишнее, несвойственное этому месту, означающее опасность? Вроде как все спокойно.

Тем не менее в лифт Старостин не пошел. Нечего в лифте делать. Тесная кабинка легким движением руки – недоброжелательной, разумеется – легко превращается... Превращается... В элегантную ловушку. Так что пешком. Для майора, следящего за своей физической формой,

седьмой этаж – не проблема. Однако бежать нельзя. Если ты ничего не услышал и не увидел внизу, это еще не значит, что никто тебя не ждет, затаив дыхание, наверху.

Ну вот наконец-то и нужная квартира. Быстрые взгляды налево-направо, вверх-вниз. Старостин повернул ручку и шагнул в темную прихожую.

Из светлого прямоугольника дверного проема впереди кто-то выглянул. Прозвучал недовольный брюзгливый голос:

– Дверь закройте, Андрей Михайлович. Я больше никого не жду.

Можно и запереть. Тем более что особых усилий, умственных и физических, подобное действие и не требует.

– Проходите, присаживайтесь. – Старостин вошел в комнату, и человек, его здесь ожидавший, широким жестом радушного хозяина указал на кресло. Как непроизвольно отметил майор, очень глубокое и низкое кресло. Такое, из которого, случись что, не сразу и выберешься. Кресло-ловушка. Впрочем, это уже похоже на паранойю. Последствия утренних игр с возможной «наружкой» некоего неназванного вслух противника. Так что можно и присесть.

– Надеюсь, вас не проследили? – Человек, к которому шел Старостин, был далеко не молод. Чуть выше среднего роста, тучный и одышливый, он уже давно достиг того возраста, который в этой стране называют пенсионным. Однако ничего общего с обликом пенсионера, вышедшего в тираж, в его внешности не было – кожа лица гладкая, молодая. Да и в глазах не погасли еще задорные искорки. Розовая лысинка в венчике седеньких волос... Старик... Вот только подбородочек приподнят гордо, да и во взоре читается этакая властность, привычка не говорить, а изрекать, не просто ходить, а возвышаться над землей, над толпой серого тупого быдла. Человек из тех, кто знает, как и что делать правильно. Ну и что хорошо для масс, к которым он сам никакого отношения не имеет.

– Никак нет, – ответил Старостин уставной формулировкой.

Толстячок недовольно поморщился:

– Оставьте официоз, Андрей Михайлович. Сейчас, когда страна катится в пропасть, не до уставщины. Попробуем поговорить как старые добрые знакомые, люди, которые доверяют друг другу во всем.

Пожилый прошелся по комнате, потом развернулся к креслу, в котором обосновался Старостин:

– Наверное, вас удивляет, для чего мы решили побеседовать с вами?..

Старостин в ответ лишь пожал плечами. Вопросы какие-то задавать просто глупо. Захотят – скажут сами. Не захотят... Все равно наврут.

– Посмотрите вокруг! – Пожилый повел рукой в сторону окна. Вообще, он себя вел сейчас так, будто находился на трибуне, во время очередного если уж и не съезда – не тот уровень, – то как минимум пленума. – Страна рушится! Там сейчас идет гулянье, празднование... Чего?.. А кто его знает, что они там празднуют...

Собеседник, который в процессе разговора так и не счел нужным представиться, потер ладонью лысину:

– Вообще-то сейчас они думают, что празднуют победу. Они не спали пару ночей, пили водку, пели песни, строили никому не нужные баррикады, кричали демократические лозунги в объективы камер западных телекомпаний. И сейчас, преисполненные гордости, считают себя победителями...

Голос пожилого окреп, усилился:

– Глупцы! Они еще не понимают, что проиграли! Не догадываются, что именно они потеряли и сколько им еще предстоит пережить потерь! Впереди их ожидает безвременье, правление фигляров и временщиков, для которых эта страна никогда не была и не станет родной... Которые сейчас хотят только одного – запустить руки поглубже и грабить, грабить, грабить...

Пожилой поперхнулся, закашлялся, рука его нырнула под легкий пиджак, к сердцу. Поглаживая и массируя грудь слева, он продолжил:

– Все это – временно. Год-два – от силы. Потом народ поймет, что его обманули, что ему предложен путь в никуда. Нашу страну ожидает еще одна, третья революция. Возможно, что нам придется даже уйти в подполье... А все это требует серьезных финансовых средств. Поэтому...

Он опустил руки по швам, выпрямился, еще выше поднял подбородок.

– Вам, Андрей Михайлович, оказано большое доверие. Вы будете одним из тех, кто должен сберечь, сохранить необходимые финансовые средства для грядущего!

Он замолчал. Только смотрел на Старостина с явным ожиданием. Тот откашлялся – слишком уж неожиданно было все, что он здесь услышал, – потом осторожно сказал:

– Я, конечно же, благодарю... Но... Каким образом мне придется это делать? Сидеть на мешках с деньгами, как скупому рыцарю?

Пожилой оскалил прекрасные вставные зубы, показывая, что шутку понял и оценил:

– Не так уж все сурово, Андрей Михайлович. Все намного проще. Есть деньги. На счетах, номера которых вы сегодня получите. Необходимо будет их не только сохранить, а еще и приумножить. Для этого вы откроете кооператив...

– Извините! – позволил себе Старостин перебить пожилого. – Но только я... Как бы это сказать? Не деловой человек. Я – офицер. И этим все сказано.

– Мы, – пожилой вновь подчеркнул это слово, – учли этот вариант. Вот три человека...

Откуда-то в руках его появился обычный лист бумаги, который он передал Старостину.

– ...Здесь их данные. Все выпускники Плехановки. Все – перспективные, амбициозные, дерзкие, умеющие мыслить нестандартно. Все – провинциалы, которые были бы не против зацепиться в столице. Вы встретитесь с каждым из них, побеседуете, оцените... После этого выбранный вами человек откроет кооператив и приступит к работе. Вашей задачей будет, присматривая за ним, создать такой механизм, при котором он не посмеет присвоить не свое. Из органов вам придется уволиться. Ну да это, думаю, и к лучшему. Когда мы вернемся – а мы вернемся! – вам все это зачтется и даже войдет в общий стаж.

Пожилой потряс в воздухе пухлым кулаком:

– Мы никому ничего не забудем! Предатели будут наказаны, ну а те, кто в тяжелые времена сохранил преданность идее, будут вознаграждены по заслугам. – Он подошел к столу, достал оттуда тоненькую папочку, протянул ее Старостину: – Вот. Здесь реквизиты счетов, средствами с которых вы можете пользоваться.

Андрей Михайлович повертел папочку в руках, вложил в нее лист с данными кандидатов в новые русские.

– Все. – Пожилой развел руками. – Вы – офицер. Задача вам поставлена, можете приступать к ее выполнению.

Старостин понял, что аудиенция закончена. Выбрался из кресла, постоял немного.

– Способ связи?

– К вам придут, – усмехнулся пожилой. – Может, я. Может, кто-то другой. В качестве пароля приведут некоторые детали этого нашего сегодняшнего разговора. Я думаю, вам не надо напоминать о том, что о нем знаем только вы и я?

Андрей Михайлович кивнул.

– Вот и хорошо. Я думаю, другим о нем знать ни к чему. В том числе и вашему руководству. Просто подавайте рапорт на увольнение. Пока пройдут все формальности, вы как раз успеете подобрать нужного человека.

– До свидания. – Старостин не стал подавать руки. И пожилой – тоже. Отошел к окну и, глядя на Москву за ним, ответил негромко:

– До свидания...

Глава 1

1

Наши дни

Худощавый мужчина лет сорока постоянно пребывал в движении. Постоянно ходил. Правда, пространство для перемещений было ограничено – пять шагов в одну сторону, разворот, и все те же пять шагов – в обратном направлении. Ходил он рядом с древним, тощим, комковатым и грязным ватным матрасом. Противоположный угол мужчина не посещал – не мог преодолеть природную брезгливость. Хоть и говорят, что, дескать, свое не пахнет, но... После нескольких дней, что ему пришлось провести здесь, ведро, играющее роль параша, смердело.

Мужчина, известный в деловых кругах России как серьезный и удачливый бизнесмен Виктор Георгиевич Малышев, просто не мог остановиться. Ему казалось, что вот так, в движении, когда ногам нет покоя, лучше работает голова. Малышев лихорадочно искал выход из того положения, в котором оказался... Нет, не по воле слепого случая. И не благодаря злокозненным ухищрениям тайных врагов и недоброжелателей. Здесь, в этом холодном подвале, он оказался благодаря предательству людей, которых всегда считал близкими и доверенными. Впрочем, предадут всегда только свои, только те, кто рядом. Чужие просто лишены такой возможности изначально.

Время утратило свое значение. Сейчас, когда Малышев оказался насильно вырван из привычной деловой, предельно насыщенной событиями жизни, у него впервые за много лет появилась возможность оглянуться назад, приглядеться – а все ли в его жизни было правильным?.. И как же могло так случиться, что сейчас он мечется, запертый в этом подвале и лишенный даже элементарных условий?..

Виктор Георгиевич вспоминал, с чего же все началось. Наверное, с того, что он согласился продать свою душу дьяволу. Это была его самая первая сделка... Тогда он еще не был Виктором Георгиевичем. И фамилия «Малышев» никому не была известна. Окончание Плехановки совпало с тем временем, когда обновленная штатовскими агентами влияния «демократическая» Россия занялась формированием класса собственников. Проще говоря, то, что раньше принадлежало всем, теперь за бесценок раздавалось тем избранным, которые могли в дальнейшем служить финансовой опорой изначально упадочного и бестолкового режима. Замечательный аналитик, экономист новой формации, Малышев прекрасно видел, что происходит в стране. И так же хорошо понимал – даже при всех его талантах ему на этом празднике жизни ничего не светит. Он не входил в узкий, строго ограниченный круг своих, «допущенных к столу».

Кто он? Для зажавшихся снобов-москвичей – безотцовщина из провинциального сибирского областного центра, Красногорска. Ну мать – судья... Но судья старой школы, человек, который даже в болезненном бреде не мог себе представить, что возможно за деньги вынести несправедный приговор. Таким же – честным до глупости – она старалась воспитать Виктора.

Он никогда не спорил с матерью, хотя на некоторые вещи имел другие, отличные от ее, взгляды. Учеба в Москве, в отрыве от родного дома и привычного окружения, эти взгляды только укрепила. Так что к окончанию института Виктор принимал правила складывающейся в России игры как должное и нечто совершенно естественное. Он был готов к тому, чтобы поступиться принципами ради продвижения, но... Ему никто ничего подобного не предлагал. Для тех, кто вершил судьбы страны, он, Виктор Малышев, был никем. Пусть умный и образованный, пусть талантливый на грани гениальности, но... чужой. Инопланетянин, как в

том фильме. И лучше всего ему валить на свою планету – то есть в свой замшелый Красногорск, крутиться в какой-нибудь полулегальной фирме, принадлежащей другу или близкому родственнику очередного кремлевского фаворита, которому далекая сибирская область была отдана «на кормление». Так бы и было, если бы не...

Впрочем, Виктор и сам не знал – по сию пору только догадывался, – чему он был обязан оказанным ему вниманием. Однако его нашли и сделали предложение, от которого он не смог отказаться. Конечно, предложили ему не норильский никель, не якутские алмазы, не братский алюминий – для такого он, так сказать, рылом не вышел. Для этих предприятий те, кто к их созданию и развитию никакого отношения не имел, нашли других, нужных, владельцев. Кому нужных?.. А не ваше дело! Вы на выборы ходите вовремя, а в «большую политику» с такими же большими деньгами не лезьте!

Малышеву предложили деньги – стартовый капитал. А также поддержку во всех начинаниях и защиту в диком и бурном море российского бизнеса. Он прекрасно понимал – второй раз такого предложения ему никто не сделает. Это был его шанс, и упускать его он не мог. Просто не имел права. Происхождение денег его тогда не волновало и не заботило. Виктор принял предложенные ему условия, считая их – на тот момент – вполне приемлемыми и даже в какой-то степени справедливыми.

За прошедшие годы он, полностью выкладываясь, вкалывая, как крестьянская лошадь, денно и ночно, сумел – без какой-либо поддержки со стороны государства! – превратить относительно небольшое СП в мощный концерн, у которого имелись кое-какие интересы и достаточно крепкие позиции не только во всех регионах России, но и за рубежом.

Появились дом на Рублевке, огромная квартира в центре, в престижном «новострое», дорогие автомобили, деньги. Красавица-жена, на десять лет моложе супруга, сын... Наверное, жизнь удалась. Но все эти годы Виктора терзало ощущение собственной зависимости. Да, он уже давно вернул полученную первоначально сумму ее законным владельцам, причем в трехкратном размере. Все остальное было добыто трудом и талантом Малышева. Однако зависимость оставалась. И постоянным напоминанием о ней служил Департамент безопасности концерна и его хитрый, пронырливый директор – Старостин. Разумеется, Андрей Михайлович умело изображал почтение и уважение к официальному руководителю. Но иногда его опека, стремление постоянно совать свой нос в те дела, которые никакого отношения к службе безопасности не имели, попытки навязывать собственные решения серьезно напрягали Виктора.

Взрыв назревал и был неминуем. Окончательным толчком, который вызвал цепную реакцию, стала смерть матери Виктора, Зинаиды Григорьевны, федерального судьи областного суда в Красногорске.

Зинаиду Григорьевну застрелил наркоман-отморозок прямо на ступенях областного суда. Красногорские полиция и прокуратура сработали оперативно, и убийца был задержан. Но этот задержанный был всего лишь стрелком, ходячим пистолетом, с наполовину расплавленным от героина мозгом. А организатору убийства, таджикскому наркодельцу, удалось ускользнуть благодаря вмешательству российских спецслужб на родину, в Таджикистан, откуда достать его не было никакой возможности.

Малышев не находил себе места. Иногда тем, кто довольно хорошо его знал, казалось, что финансовый гений находится на грани помешательства. В том, что произошло с матерью, Виктор винил в первую очередь себя. И страстно желал отомстить, чтобы таким образом унять боль. Отомстить не цивилизованно, через судебные процессы и долгие сроки заключения в почти комфортабельных условиях, а по закону предков: «Око за око, зуб за зуб».

Наверное, правильное всего было бы поручить организацию подобного мероприятия директору Департамента безопасности. Однако Малышев прекрасно знал – Андрей Михайлович сам выходец из спецслужб, представители которых сыграли столь неблагоприятную роль во

всей этой истории. Кроме того, отношения между генеральным директором и «безопасником» уже были далеки от идеальных.

И вот к кому может сунуться с просьбой о помощи в столь деликатном деле человек, который о криминале и киллерах знает только из телепрограмм? Вот то-то же. Однако Виктор по-прежнему жаждал мести. Даже больше того – это желание достигло своего апогея, усилилось до острой физической боли. И вот тут...

На похоронах матери, в Красногорске, Малышев случайно увидел своего друга детства – Максима Оболенского. К тому времени Виктор уже знал, что решающую роль в раскрытии убийства его матери сыграл какой-то Оболенский. Но считал его просто однофамильцем товарища детских игр. Виктор не придумал ничего лучше, как обратиться к Максиму с просьбой о помощи в столь деликатном деле.

К удивлению Малышева, Максим – разумеется, после некоторых размышлений – обещал не только помощь в организации акции возмездия, не только найти подходящих исполнителей, но выразил желание принять личное участие в этом мероприятии. Правда, сразу предупредил старого друга – такая акция будет стоить денег. И денег немалых даже по меркам Виктора. Однако Малышев уже, что называется, закусил удила и заранее был согласен на любые траты.

Финансирование подготовки и проведения операции шло через специально созданную для этого фирму-однодневку, которой руководил один из референтов Малышева – Гена Плюнин, молодой, дерзкий и честолюбивый.

Но в какой-то момент Старостин что-то пронюхал о тайной операции, которую собирался проводить его шеф, и принялся строить козни. В результате деньги, определенные Виктором на подготовку и проведение акции возмездия, были украдены, а сам генеральный директор оказался в роли пленника в подвале подмосковного дома какого-то бандита. И – по самым оптимистическим прогнозам – выйти отсюда ему было не суждено. Скорее вынесут. Ногами вперед. Как говорилось в одном старом кинофильме: «Я слишком много знал...»

Вроде бы положение безнадежное. Но только Малышев не собирался сдаваться. Он безостановочно ходил по подвалу и искал, искал, искал выход из ситуации, в которой оказался. Он не мог, просто не имел права так глупо и бездарно умереть.

Его личный счет к самому директору Департамента безопасности и к его «старшим товарищам» вырос. Причем многократно. В него входило не только пленение самого Малышева. Туда же плюсовалась и несостоявшаяся месть за смерть матери, и жестокая подстава группы Оболенского, школьного друга, который со своими людьми оказался в чужой стране без копейки денег. И долгие годы зависимости...

Малышев, как это ни странно, не боялся. Ни бандитов, ни Старостина, ни возможной скорой смерти. Он твердо верил в то, что вырвется из этого подвала. И вот тогда... Тогда будет видно.

2

На арендованной квартире, в одном из спальных районов Москвы, собрались за столом четверо. Выпивали, не без этого. А что еще делать мужчинам вне женского общества? Впрочем, четверка этого общества не искала. Да и выпивали... Как-то странновато. Без обычных в таких случаях разговоров, шуток и бесконечных анекдотов. Не веселила собравшихся выпитая водка. Может, потому, что за столом незримо присутствовал пятый, чей стакан, прикрытый хлебной коркой, стоял у свободного стула. Проще говоря, это была тризна, и уж никак не праздник.

Хотя, конечно, было что и отпраздновать. Эти четверо – так же как и их погибший товарищ – совершили невозможное. Разгромили банду наркоторговцев в Таджикистане, выкрали у афганского полевого командира плененного им церэушника и после всего этого успешно вышли в Россию. Впрочем, ничего особо удивительного в этом нет. Разумеется, если повнимательнее присмотреться к личностям членов группы.

Наверное, стоит начать знакомство с инициатором вояжа. Максим Николаевич Оболенский, он же – Шаман. Возраст – около сорока, чуть выше среднего роста, худощав. Короткие темные – с проседью – волосы. Правильные черты лица, в которых чувствуется – как это говорилось раньше – порода. Слегка расслабленные движения, отстраненный взгляд... Короче, ничего героического во внешности. Кто бы мог подумать, что этот еще нестарый человек – выпускник факультета специальной разведки Среднесибирского высшего командного?..

И не только выпускник. После окончания училища Максим верой и правдой служил Отечеству. Скажем так – по специальности. Не той, что значилась в его «дипломе федерального образца» – переводчик-референт, – а по второй. Или, наоборот, основной – офицер специальной разведки. Правда, служил недолго – едва до капитанских звезд дотянул. А потом то ли послал принародно по всем известному адресу одного очень шумного и грубого и совершенно бездарного «полководца», то ли даже оскорбил действием – в разных устах эта история звучит по-разному. Однако из войск был уволен, а привлечения к уголовной ответственности избежал благодаря заступничеству отца – генерал-лейтенанта, служащего Генштаба, доктора военных наук и прочая, прочая, прочая.

Поболтавшись на гражданке, Максим пошел служить в полицию, в уголовный розыск. Добросовестно тянул ляжку опера, сначала «на земле», а потом и в убийном отделе УУР УВД области. Вроде бы все складывалось неплохо... И новые коллеги Максима уважали, и карьерный рост был заметен, и звание «майор полиции» он получил в положенный срок... Однако росло внутреннее недовольство.

Как сотрудник правоохранительной системы, человек, имеющий доступ к секретной и совершенно секретной информации, он прекрасно видел избирательность закона, пристрастность суда, равнодушие надзорных органов... И никак не мог заставить себя с этим смириться, воспринимать как должное. Правда, открытое неповиновение Системе позволил себе лишь однажды – когда узнал, что его однокашник и сослуживец Артем Рождественский оказался в СИЗО по надуманному обвинению. Тогда Максим многое сделал для того, чтобы вытащить Артема из тюрьмы и сбить со следа погоню. Кстати, одним из наиболее активных ее участников был нынешний генерал-майор, а тогда еще полковник, Талаев. Но даже после этого случая Максим продолжал служить с максимальной добросовестностью. И вот тут нашлась та последняя капля, что переполнила чашу терпения.

В Красногорске, среди бела дня, в центре города и при большом скоплении народа была убита женщина. Казалось бы, ну что тут такого? В наше время депутаты Госдумы по московским улицам с автоматами бегают – и никого это не шокирует. Однако Красногорск – не Москва. Да и убитая женщина была федеральным судьей областного суда. И убили ее за слиш-

ком суровый – по мнению родственников осужденного – приговор. Ну и последний фактор, сделавший эту каплю свинцово-тяжелой: убитая была хорошо знакома Максиму. Тетя Зина, мать товарища детских игр, ныне осевшего в столице и неплохо «стоящего» в бизнесе.

Максим выложил в этом деле полностью, сделал все, чтобы оно не осталось нераскрытым. Но задержать удалось только исполнителя – организатор ушел. Причем ушел не без участия российских спецслужб. Закон, которому должен был служить Оболенский, в очередной раз проявил свою избирательность.

А тут еще старый друг, теперешний «владелец заводов, газет, пароходов» Витя Малышев. Пристал как банный лист к заднице: «Найди мне киллера! Хочу за маму отомстить! Найди! Ты же можешь!»

Конечно, кое-что Максим знал. И даже мог рекомендовать. Кое-кого. Кстати, Оболенскому бы никогда и в голову не пришло, что этим он вступает в какие-то противоречия с законом. Мсть – дело такое... Святое. Любому бойцу спецназа – каковым Оболенский и оставался в душе – понятное.

Так что мог он найти кандидата в киллеры. Не убыло бы. И ночами бы спал спокойно. Однако понимал прекрасно – любой приехавший из России стрелок там, в Средней Азии, был изначально обречен на неудачу. Восток вообще дело тонкое, как говаривал небезызвестный товарищ Сухов. А если кандидат на отстрел в своей стране – влиятельное лицо?.. Если он в состоянии содержать многочисленную и преданную охрану?.. Если охотнику придется действовать в автономном режиме, без какой-либо поддержки, в окружении людей, которые изначально настроены к тебе недоброжелательно?..

Хотя... Одиночка – не смог бы. А вот небольшая разведывательно-диверсионная группа с такой задачей справится. Имели место прецеденты... И уж об этом Максим знал не понаслышке.

Короче говоря, майор Оболенский окончательно плюнул на все условности, подал рапорт об увольнении из органов и занялся формированием команды. Разумеется, первым, к кому он обратился с предложением войти в нее, стал старый сослуживец – Артем Рождественский.

Артем Викторович Рождественский родился в... Впрочем, не имеет особого значения, где и когда он родился. Достаточно того, что сейчас его возраст – так же как и возраст Максима – приближался к сорока. Примерно такого же роста, как и старинный приятель, только разве что чуть плотнее. Типично русское лицо, без каких-либо особых и броских примет... На улице такого встретишь – и внимания не обратишь. Правда, не исключено, что во многом потому, что бывший майор Вооруженных сил Российской Федерации специально обучен не привлекать к себе внимания.

До того как встать по ту сторону закона, майор Рождественский – Монах – командовал группой в отдельной бригаде специального назначения ГРУ Генерального штаба. Во время проведения спец-операции на территории Чеченской Республики убил, если можно так сказать, не того человека. Убил не из садистских побуждений – в бою. Но погибший, несмотря на то что сотрудничал с боевиками, был еще и членом довольно влиятельного тейпа, который потребовал крови русского офицера.

Обвиненный в убийстве при отягчающих обстоятельствах, Артем оказался в СИЗО, где на него открыли охоту чеченские «кровники», подкупленные ими уголовники и сотрудники пенитенциарной системы, а также представители спецслужб, которым – в свете очередных выборов – растущая популярность майора вставала как кость в горле. Опять же, кстати, операцией по нейтрализации «раздражающего фактора», каким стал офицер, руководил полковник Талаев. Тогда еще полковник...

После ряда «постановок» Рождественского спровоцировали на побег, но, оказавшись на свободе, он разобрался со всеми своими врагами и недоброжелателями, «отвел глаза» Талаеву,

с помощью друзей имитировав собственную смерть, и покинул Россию, отправившись наемником в одну из вечно воюющих стран ближнего зарубежья.

Предложение «съездить» в Таджикистан принял, может быть, без особого восторга, но довольно легко. Ибо на момент поступления этого предложения опять был вынужден пуститься в бега – чеченские «кровники» взяли его след. По общему решению членов команды возглавил группу, как наиболее опытный и подготовленный.

Третьим членом этой команды стал Василий Арсеньевич Скопцов. Скопа. В отличие от остальных своих товарищей – не профессиональный военный. Но как любитель – весьма и весьма высокого уровня. Почти двухметрового роста, атлетического телосложения, с немного свернутым на сторону носом, Василий – на первый взгляд – производил впечатление эдакого удачливого братка, шагнувшего в двадцать первый век из кровавых девяностых века двадцатого. Однако внешность обманчива. Бывший замкомвзвода в отдельной бригаде специального назначения внутренних войск, старший сержант и «краповик» Василий Скопцов бандитов ненавидел искренне и истово. Из-за чего регулярно попадал в родном Красногорске во всякие передраги. Благодаря армейской выучке и постоянно поддерживаемой на самом высоком уровне спортивной форме всегда выходил из этих передраг с честью.

Можно сказать, что к команде спецов он прибился, как в годы войны прибивались дети в сыны полков. С давних пор водил знакомство с Максимом Оболенским, пару раз помогал ему в работе по преступлениям. Помогал и в этот раз раскрывать убийство судьи. Причем действовать там пришлось дерзко, жестко, балансируя на грани закона и полного беззакония. В результате появилось что-то подобное личной заинтересованности. Ни в деньгах, которые были обещаны за успешное раскрытие этого преступления, а в том, кто окажется сильнее. Короче, Скопцов поймал охотничий азарт, ему понравилось идти по следу, предугадывая шаги противника. И когда Оболенский собрался в Таджикистан, чтобы окончательно поставить точку в этом деле, Василий просто последовал вслед за ним.

Четвертый присутствующий на поминках носил прозвище Дед. А в миру – Шовкат Мурзабаевич Сабилов, этнический таджик, в свое время окончивший Московское высшее пограничное, служивший у себя же на родине в разведотделе российского пограничного отряда. Капитан, несколько боевых выходов в составе группы «за речку», боевые награды... Но перебежал дорогу своим же землякам, наркоторговцам. Тому же самому Бобошерову, организатору и заказчику убийства Малышевой, за которым охотилась команда «спецов». И в один далеко не прекрасный день его родителей убили люди наркобарона, а младшую сестру похитили и продали куда-то в Афганистан.

Шовкат из войск уволился и занялся охотой на наркодельца. Однажды ему почти повезло, но многочисленная охрана смогла отбить хозяина. Сам же Сабилов при этом был тяжело ранен. Однако ему удалось уйти от врагов. Выжив, затаился. Скрывался под личиной полусумасшедшего старика и ждал, когда судьба даст ему шанс свести счеты с врагом. Появление команды дало ему этот шанс, и он реализовал его в полной мере. Выступил в роли проводника при рейде на территорию Афганистана и лично, собственными руками, убил Бобошера. Причем не в спину, из-за угла, а в честном поединке на ножах. После окончания этой эпопеи вместе с остальными членами группы выехал в Москву – с родиной, с Таджикистаном, его больше ничто не связывало. Зато там имелось очень много людей, которым восставший из мертвых капитан не нравился.

Был и еще один член группы – Федор Аверьянович Багров. Большой. Отставной подполковник, бывший командир отряда спецназа ГУФСИН. Можно сказать, заслуженный пенсионер. Разумеется, постарше товарищей и коллег, ростом повыше, телосложением помощнее... Ну да это обусловлено спецификой задач, выполняемых его службой. Он – не разведчик и не диверсант, который должен тихо прийти и так же тихо уйти, он – штурмовик. Подавление бун-

тов в колониях и тюрьмах, освобождение заложников, захваченных во время этих бунтов... Ну и так далее.

Вернувшись из очередной командировки «на войну», Багров в порыве ревности убил любовника своей жены, лишившись одновременно и семьи, и службы, и свободы. В камере СИЗО, где авторитетный офицер оказался в роли «смотрящего», он познакомился и подружился с Артемом Рождественским. В дальнейшем эта дружба только укрепилась, когда Федор Аверьянович, оказавшись на свободе благодаря ловкости пройдохи-адвоката, принял самое активное участие в разборках Рождественского с его многочисленными врагами. Поэтому, когда Артем принял решение уезжать из страны, Багров последовал за ним. Тем более что в родном Красногорске его ничто не держало. Так же было воспринято Федором Аверьяновичем предложение посетить Таджикистан. Он просто последовал за другом, во всем ему доверяя. В Афганистане раненый Багров остался прикрывать отход товарищей, за которыми гнались моджахеды. И погиб в бою...

– Ну... – Артем Рождественский поднял свой стакан, зачем-то посмотрел содержимое на просвет и быстро выпил водку. Скривившись, шумно выдохнул. Подцепив пластиковой вилкой кусочек колбасы, закусил.

Остальные последовали его примеру. После того как прожевали, слово взял Максим:

– Теперь, господа, позвольте пару слов о приятном.

– Это о чем же? – заинтересовался Скопцов.

– Я думаю, вы помните покойного секретаря Бобошера и его ноутбук?..

Конечно, помнили. Ноутбук этот был добыт в бою, при штурме резиденции наркодельца. Чуть позже Оболенский самым варварским способом разрушил портативный компьютер и извлек из него жесткий диск, который хранил вместе со своими документами и сумел вывезти из Таджикистана.

Оболенский обвел взглядом замерших в ожидании товарищей и продолжил:

– Так вот, я не стал говорить этого раньше – не знал, чем дело закончится... Так вот, в компьютере хранились все данные о заграничных банковских счетах Бобошера. И сейчас получается так, что все эти деньги – наши. Мы стали наследниками наркобарона.

– Это радует! – ухмыльнулся Скопцов, забрасывая в рот очередной кусок колбасы. – И сколько же мы унаследовали?

– Ну, примерно... – Максим, слегка рисуясь, закатил глаза. – Примерно по два с половиной миллиона на брата.

Василий громко закашлялся, подавившись плохо прожеванной колбасой. Артем и Шовкат переглянулись. Им нужно было время, чтобы в полной мере осознать и принять сказанное.

– Чего?! – прохрипел откашлявшийся Василий.

– Не рублей, – с победным видом усмехнулся Максим. – Долларов, господа, долларов!

– Оба-на! – Василий помотал головой. – Это что же получается? Я на старости лет в миллионеры вышел?!

– Ну, что-то типа этого, – продолжал улыбаться Максим. Он перевел взгляд на Артема, и сразу же улыбка исчезла с его лица, как будто ее стерли. – Долю Федора передадим его семье...

– Так будет правильно, – кивнул Рождественский. Лицо его было мрачным. Если он и обрадовался внезапно свалившемуся на него богатству, то внешне это совершенно никак не выразалось. – И вот еще что... Мне нужны все данные нашего заказчика.

Максим помолчал немного, потом негромко спросил:

– Федор?..

– Ну да, – спокойно ответил Артем. – Кто-то же должен за него ответить...

– Все данные я помню, – сказал Оболенский. – Так что нет нужды их тебе давать. Да и вдвоем как-то проще...

Артем заметно напрягся:

– Шаман, это – мое дело! Да и терять мне, собственно, нечего. В отличие от вас, я – вне закона.

– Не только твое, – жестко и уверенно сказал Максим. – В конце концов, он не только подставил Федора. Он кинул меня. И предал память тети Зины...

– Я не знаю, кто такая эта тетя Зина, – в разговор решительно вступил Скопцов. – Но только этот козел кинул не тебя одного, Шаман! Он кинул всех нас, и меня – в том числе. Я, стало быть, под пулями бегал ни за что, а теперь не имею права спросить?! Нет уж! Трое нас! И никуда вы от меня не денетесь!

– Четверо, – подал голос до сих пор молчавший Шовкат. – Большой всех нас собой прикрыл. Я тоже ему должен. – Неожиданно Сабиров широко улыбнулся: – Готов служить проводником! Я как-никак четыре года в Москве учился...

– Смотрите, мужики, – покачал головой Артем. – Подумайте – оно вам надо? Сразу говорю – без крови здесь вряд ли обойдется.

– Можно подумать, мало мы крови видели! – Василий оскалил влажно блеснувшие стальные «фиксы» в хищной улыбке. – Литром больше, литром меньше – особой разницы нет...

Глава 2

1

Андрей Михайлович Старостин, директор Департамента безопасности концерна Малышева, в этот вечер находился дома. Укрылся от приставучей, надоедливой жены в кабинете. Так вот сложилось. Кто-то, разочаровавшись в браке, начинает бракоразводный процесс и дележ совместно нажитого имущества; кто-то, внешне оставаясь примерным семьянином, пускается во все тяжкие тайком...

Только ни один из этих вариантов Старостину не подходил. Несмотря ни на что, в глубине души он оставался все тем же майором КГБ, молодым, дерзким и беспредельно преданным идее. Так что он даже представить не мог себя разведенным или изменяющим толстой, бесформенной бабище, в которую со временем превратилась его жена и которая сейчас возилась за дверью его кабинета.

Впрочем, сегодня он не просто прятался. Ему нужно было побыть в одиночестве, обдумать кое-что. Так что эта самоизоляция в четырех стенах была вынужденной – здесь, в тишине и покое, на его личной территории ничто не отвлекало Старостина от размышлений. Андрей Михайлович вспоминал прошлое, пытаясь понять и осмыслить, как он, бесконечно преданный делу офицер государственной безопасности, докатился до открытой уголовщины, до альянсов с бандитами. Причем с такими бандитами, которые не относились к числу серьезных криминальных лидеров – с этакой плотвой «потустороннего» мира. Хотя... Нет, не с плотвой. Плотва – рыбка мелкая и безобидная. А он связался с пираньями. Тоже вроде мелочь, однако зубастая, вечно голодная и ради насыщения готовая на все.

С чего же все началось?.. Может быть, с той самой странной встречи, когда человек со Старой площади поставил перед майором такую странную задачу?.. Или не с нее?..

На следующий день после того памятного, изменившего всю его жизнь разговора Старостина вызвал к себе его непосредственный начальник – генерал-майор Ручьев. Тот, кто, собственно, и отрядил майора на встречу с человеком из ЦК.

– Ну и что там было? – сразу же, с ходу, поинтересовался генерал.

Старостин прекрасно помнил указание своего вчерашнего собеседника: «Никому ни слова! Только вы, майор, – и я!» Сказано было более чем ясно. Но... Ручьев. Это один из немногих профессионалов, прошедший долгий путь от рядового оперативника до заместителя начальника управления в центральном аппарате КГБ. И Старостин, человек служивый до мозга костей, как можно соврать генералу? Нет, соврать-то, конечно, можно. Но если Ручьеву станет известна правда – а в том, что рано или поздно это произойдет, грех было сомневаться, – то за свою шкуру Андрей Михайлович не дал бы и ломаного гроша. Генерал не прощал предательства.

Старостин, честно глядя прямо в колючие глаза генерала, рассказал все. Передал весь разговор от первого до последнего слова. И даже бумажку с номерами счетов выложил на стол.

На листок с рядами цифр генерал даже не взглянул. И в лице его ничего не изменилось, и глаза остались такими же холодными, изучающими собеседника. Однако Старостин вдруг почувствовал, что атмосфера в начальственном кабинете изменилась. И понял на подсознательном, интуитивном уровне – ничего нового шефу он не сказал. Ему и так все было известно, без его откровений. Просто сейчас он, Старостин, успешно прошел последнюю проверку на вшивость и избежал смертельной опасности.

– Ну что же... – Ручьев в задумчивости пробарабанил пальцами по столешнице. – Делай, что тебе сказано. Кого из этих троих думаешь привлечь к операции?

– Малышева, – коротко ответил Андрей Михайлович.

– Почему именно его? – выстрелил вопросом генерал.

Старостин на мгновение задумался. Сказать правду? Что просто понравилась хорошая, русская фамилия? Не поймет начальник...

– Молод, энергичен, честолюбив, – начал импровизировать Андрей Михайлович. – Поддержки, высоких связей нет. Если дать ему шанс и помочь его реализовать – будет благодарен до гроба.

– Хорошо, – согласился с доводами подчиненного Ручьев. – Можешь начинать операцию.

– Разрешите идти? – Старостин встал с места, понимая, что аудиенция окончена.

– Иди, – кивнул генерал.

Старостин четко развернулся через левое плечо. Но не успел сделать и шага, как за спиной послышался негромкий возглас:

– Погоди!..

Андрей Михайлович тут же развернулся так же четко, отработанно.

– Тот человек, с которым ты вчера встречался... Он умер этой ночью... Остановилось сердце. Кардиостимулятор отказал...

– И что же теперь? – растерялся Старостин.

– Я же сказал – операция продолжается, – спокойно ответил генерал. – Только контролировать средства будут другие люди. Я подозреваю, что нашу службу ждут трудные времена. Как и всех нас – в этом твой покойный собеседник прав. Придется не жить, а выживать. И средства, не отраженные ни в одной бюджетной строке, очень для этого пригодятся. Чтобы не растерять то, что имеем сейчас. Запомни – сейчас на тебе будущее службы...

Старостин до сих пор не может сказать уверенно, то ли действительно человек со Старой площади скончался в результате случайного отказа сложной техники, то ли некто, оставшийся неизвестным и неузнанным, оказал этой технике посильную помощь. Да, по большому счету, и не интересовало его это. Он правильно понял слова генерала и продолжал служить верой и правдой. Но недолго.

И Старостин, и сам Ручьев были «вычищены» из системы государственной безопасности если и не самыми первыми, то в начале. Им не пришлось пережить бесконечные и бессмысленные реорганизации, переименования, разделение функций и передраги, с помощью которых «кремлевские выдумщики» разрушали службу, превращали некогда отлаженную дееспособную систему в нечто странное, невнятное и совершенно беззубое. На место профессионалов приходили странные, непонятные, никому не известные люди, которые плохо себе представляли, чем они занимаются. Зато знали, кому служат. И слово «родина» в этом списке было далеко не на первом месте...

Однако генерал Ручьев был по-своему честен. И, уходя, передал созданную финансовую структуру своему преемнику. Не потому, что питал к этому «выдвиженцу» победивших демократов какие-то теплые чувства. А потому, что до конца оставался верен долгу.

Сам Старостин возглавил службу безопасности нового бизнес-формирования. Сначала – кооператива, чуть позже – ООО, которое со временем превратилось в могучий и знаменитый концерн. И Андрей Михайлович, и курируемый им объект передавались от преемника к преемнику. Постепенно шло явное вырождение. Преемники раз от раза становились все хуже и хуже – глупее, жаднее, наглее. Узнав, что у них под руками имеются очень даже приличные и никем, кроме них, не контролируемые деньги, об интересах службы думали в самую последнюю очередь. А на первое место ставили свои личные – и мелкие – интересы.

Со временем и Старостин тоже перестал стесняться. А чего не брать, если само в руки идет?! Конечно же, «отцы-командиры» старались спрятать свою гнилую сущность за громкими и красивыми словами. Так что Старостин, глядя на них, и себя не обижал. Зато относился к этим, с завидным постоянством меняющимся преемникам, с тщательно скрываемым пре-

зрением. Понимая, что в любой момент может отделиться «со своим», к обострению отношений не стремился. Плотный контакт со спецслужбами и личная заинтересованность некоторых высокопоставленных чиновников этих служб в развитии и процветании бизнеса изрядно помогали при ведении дел в условиях дикого российского капитализма.

Кстати, и с Михеем Старостин познакомился не без помощи бывших коллег. Все началось с обычного бандитского наезда. Молодые, дерзкие, голодные бандиты вломились в офис... Нет, еще не концерна, но уже и не мелкой фирмочки. Крики, мат, угрозы, пена на губах... Андрей Михайлович сразу понял – с этими отморозками не договориться добром. Да и незачем с ними договариваться. Такие понимают только силу. Поэтому он сам, без Малышева, который в делах такого рода был совершенно бесполезен, провел переговоры, пообещал что-то невнятное и «забил стрелку», как обычно говорится в этих кругах.

На «стрелке» этих отморозков и повязали ребята из Центра специального назначения, направленные очередным преемником. Повязали предельно жестко, в соответствии с полученными инструкциями. Так, чтобы у рядовых «быков» больше никогда в жизни не возникало желания еще раз посетить тот «нехороший» офис.

Однако главного не калечили. Повалили в пыли, после чего Старостин пригласил его в свою машину.

– Ты все понял? – Андрей Михайлович кивком указал на разложенных на земле бандитов.

Михей, чьи глаза горели ненавистью, только засопел громче и отвернулся.

– Я не слышу ответа! – повысил голос Старостин. – Ты все понял?!

– Понял, – прохрипел бандит, глядя в сторону. – Кончай лечить. Закрывай, командир. Но только помни – я ведь выйду...

«А парень с характером!» – подумал Старостин. Еще до начала «стрелки» он не принял решения, передавать ли неудачников милиции или просто «поломать» да бросить на месте встречи, в назидание другим любителям халявы. Но сейчас, под влиянием момента, Старостин увидел в бригадире что-то близкое, родственное себе. По существу – такого же городского хищника, которым был сам.

– Тебя как зовут, пацан? – довольно миролюбиво поинтересовался бывший чекист.

– У прокурора познакомимся! – огрызнулся бандит, исходивший бессильной злобой.

– Можно ведь и без прокурора обойтись... – тусклым голосом произнес Старостин.

– Миха, – еще не веря в свою удачу, ответил бандит. – Михей...

– Поговорим, Михей? – предложил Андрей Михайлович...

...Они нашли общий язык. Да и не могли не найти – внутренне они были похожи так, как могут быть похожи братья-близнецы. Просто одного растила Система, под себя и для себя; второго – улица. И как знать, кто бы из них оказался выше, будь у них одна стартовая площадка по жизни...

После этого Михей и его люди стали сотрудничать со Старостиным. Разумеется, к делам концерна бандитов не допускали. Но провести разовую акцию по «наказанию» конкурентов... Или настучать битами по умной голове слишком глубоко копающему журналисту... Да за отдельную плату – хорошую! – и дельный совет... Да почему бы и нет?!

Так продолжалось с добрый десяток лет. Старостин не ошибся в Михее. Тот тоже рос. В «воры в законе», правда, не вышел, но выжил в многочисленных бандитских войнах, сумел сохранить и даже расширить свою «делянку». В какой-то момент остановился в росте, пропустив вперед – под пули киллеров – более нахрапистых и удачливых. Несмотря на разницу и в возрасте, и в общественном положении, Старостин постепенно начал воспринимать Михея как равного себе. Но, больше по привычке, сохранял дистанцию. По крайней мере, до недавних пор...

... Андрей Михайлович тяжело вздохнул. Совсем недавно, желая быстро выполнить указания очередного куратора, генерала Талаева, и устранить возникшую для концерна опасность, он предельно сократил эту дистанцию. Настолько, что и сам не сумел бы теперь сказать – они с Михеем просто знакомые или уже подельники? По сути, Старостин стал соучастником, даже, если говорить языком юридическим, организатором убийства совершенно постороннего человека.

А тут еще Малышев... Мальчишка совершенно неожиданно вырос и попытался освободиться, вырваться из-под постоянного и неусыпного контроля. Пришлось его с помощью того же Михея изолировать. Похищение человека, незаконное лишение свободы... Ну и еще пара-тройка статей Уголовного кодекса.

И теперь Старостин просто не знал, как быть дальше. Сначала все решалось просто – устранив Малышева, взять налаженный бизнес «под себя». Но бизнесмена легко сломать не удалось. В сложной, непривычной для него обстановке он продемонстрировал незаурядные волю и бесстрашие – те качества, которые Андрей Михайлович до сих пор у него не замечал. Или просто не хотел замечать?..

Так или иначе, а сейчас Старостин оказался в очень сложном положении. Перед ним стоял выбор, причем непростой. Продолжать ли идти рука об руку с Михеем, погружаясь все глубже и глубже в пучину криминала, туда, откуда выхода нет? Точнее, есть выход, но только ногами вперед... Ведь не простят ему этого бывшие коллеги, никак не простят. И дело даже не в том, что они потеряют какие-то деньги. Предателей ненавидели во все времена. И во все времена уничтожали. Так что с того момента, когда о его измене станет известно, он не поставит на свою жизнь и ломаного гроша.

Значит, нужно постараться остаться относительно честным человеком, частью Системы, одним из многочисленных винтиков, работающих во благо и во имя службы.

Старостин тяжело вздохнул. А ведь получается, что выбора-то у него как раз и нет. Надо идти к куратору, каяться во всех своих грехах, признаваться во всем. Отругают, конечно, как отстирают... Но помогут. «Зачистят» Михея. И, вполне возможно, разрешат практически неразрешимую задачу с Малышевым. Может, даже отпустят... Хотя нет. Нужно все обставить таким образом, будто Виктор Георгиевич подлежит «сокращению» как полностью неуправляемый субъект.

Стало быть, надо обдумывать аргументы, которые помогут Старостину убедить куратора в своей правоте. И как можно быстрее выходить на встречу, пока не нашелся какой-нибудь «доброхот», что с удовольствием заложит Андрея Михайловича.

2

Далеко от Москвы, в городе Грозный, не спал еще один человек. Сидел в полутемной комнате и думал. Пожилой – где-то уже за шестьдесят – чеченец. Худошавое, даже худое лицо. Чеканный медный профиль старого, но мудрого индейского вождя. Седые волосы коротко острижены. Лицо гладко выбрито. И одежда – брючная пара и рубашка, выдержанные в строгих темных тонах. Вообще, у стороннего наблюдателя могло бы сложиться впечатление, что пожилой либо только что пришел с улицы, либо прямо сейчас, сию минуту, встанет и пойдет куда-то по своим делам.

Однако пожилой не собирался никуда выходить. И жить не собирался. Не было у него такого желания. Механически ел, что приносили, механически выходил в туалет, когда возникала потребность. Иногда забывался на пару часов в коротком и беспокойном сне. Дремал, не покидая кресла. И в это время его окружение, многочисленные младшие родственники, избегали заходить в комнату. Да и за ее пределами старались ходить тихо-тихо. И говорить только шепотом. Боялись нарушить обманчивый покой старшего родича. Надеялись, что вот, наконец-то, он выспится и станет прежним. Отцом, дедом, уважаемым и мудрым старейшиной.

Однако надежды эти были обманчивы. Старик не знал покоя. И не мог вернуться в прошлую жизнь. По крайней мере, до тех пор, пока ходит по земле его личный враг и «кровник» его тейпа – бывший офицер спецназа ГРУ Артем Рождественский по прозвищу Монах.

Три года, три бесконечных года пожилой чеченец гонялся за этим человеком, стремясь осуществить святой обряд кровной мести над убийцей младшего родственника. И все эти годы пожилого преследовали неудачи. Много раз казалось, что неуловимый Монах уже попал в его руки. Так было и на юге России, и в Сибири, и в Москве... В Абхазии, в Таджикистане, в Афганистане – повсюду следовал пожилой за своим «кровником». И повсюду тот ускользал от погони. Причем не просто ускользал, а оставлял за собой трупы преследователей, увеличивая и без того огромный, почти безразмерный счет.

Последний раз они столкнулись в Афганистане лицом к лицу. Однако месть не состоялась. Больше того... Своим спасением – о, какой позор! – пожилой, растерявший всех своих людей, был обязан «кровнику». Именно Монах и его люди вывели чеченца из-под огня, помогли оторваться от преследования. И – опять ушли.

Незаметно для себя пожилой смежил веки. Задремал. И во сне опять – как и много раз до этого – увидел равнодушное и усталое лицо своего врага, покрытое смешанным с пылью и пороховой гарью потом.

«Лучше убей меня – я все равно тебя достану! Слышишь?! Достану! Чего бы это мне ни стоило! Тебе не жить!» – опять, как тогда, отчаянно кричал пожилой. И в бессильной ярости разбивал в кровь кулаки о сухую афганскую землю.

«Звони!» – звучал короткий насмешливый ответ. И виделась короткая цепочка людей, убегающая в красный закат...

Пожилой встрепенулся, открыл глаза. Опять тот же самый сон, повторяющийся изо дня в день, преследующий его с тех пор, как ему удалось выбраться из Афганистана. Было в этом сне что-то очень важное, что-то значительное. Но что именно? Пожилой чеченец никак не мог этого понять. Сбивало с мысли постоянно стоящее перед глазами лицо, то ли смертельно уставшее, то ли хранившее презрительное выражение. «Звони!» И, уже обращаясь к своим товарищам, приказал: «Бегом!.. Марш!»

«Звони!»... Десять здоровых, тренированных парней, золотой фонд нации, остались там, на афганской земле. Пожилой категорически отказывался признавать очевидное – эти десять погибли по его вине, принесены в жертву неумному, даже болезненному стремлению к мести, постепенно переходившему к помешательству, мании.

«Звони!» Это он, только он и никто другой, виновен в гибели десяти ребят. И еще шести до этого. И еще одного... И... Не имеет ни малейшего значения, что погибли завершающие длинный список жертв в бою с американским патрулем. Если бы не Монах, не было бы и этого рокового столкновения. Мечь, мечь, мечь! Но только где искать сейчас беглеца? Где он проявится в следующий раз? В Абхазии?.. В Грузии?.. А может, в Европе?.. Или вообще где-нибудь в Африке?..

«Звони!» Пожилой и сам не заметил, как в неконтролируемом порыве ярости ударил сухим кулаком по подлокотнику кресла. Боль в руке вырвала его из мира тягостных воспоминаний, на какие-то секунды вернула в день сегодняшней. И перед чеченцем вдруг в полной ясности открылось то важное и значительное, что долгое время ускользало от него.

«Звони!» Звонок. Телефонный звонок. Телефонный номер. Такая вот простая ассоциативная цепочка. И как же он раньше не смог сообразить?

Не так давно – чуть больше месяца назад, в начале лета, – старик почти что настиг своего врага в самопровозглашенной южной республике, где тот выступал в роли наемника-инструктора вновь формируемой местной бригады спецназа. Тогда ему удалось уйти от погони в очередной раз. Но пожилой чеченец получил распечатку, в которой были указаны телефонные контакты Рождественского. Тогда внимание старика привлекли два номера, красногорский и краснодарский. Конечно, по всем канонам надо бы было отработать оба номера... Но в тот момент тупо уперлись в наиболее перспективный, принадлежащий приятелю Монаха, менту Оболенскому. Следуя за владельцем номера, пришлось посетить Красногорск, Москву, Таджикистан и закончить погоню в Афганистане. И за всеми этими перемещениями, в азарте преследования, второй, краснодарский, номер был просто забыт. Или – отброшен за ненадобностью. А зря! Ведь наибольшее число звонков с телефона Рождественского было сделано именно на этот номер. И принято соответственно с него же...

Пожилой чеченец шустро, по-молодому, соскочил с кресла и почти бегом бросился к окну, где стоял письменный стол. Та одежда, в которой он вернулся из Афганистана, была выброшена как пришедшая в негодность. Но все бумаги, что были в карманах, до последнего листочка, вплоть до самых мельчайших клочков, были выложены в верхний ящик стола.

Пожилой склонился над столом, руки лихорадочно перебирали бумаги, небрежно отбрасывая те, что были не нужны, в сторону. Не то... Не то... Вот! Вот она, эта самая распечатка! Сложенная в несколько раз, изрядно потертая на сгибах, бумага давно утратила в долгих путешествиях свою первоначальную белизну... Однако нужный номер, помеченный рукой самого чеченского патриарха, легко читаем.

Пожилой чеченец менялся прямо на глазах. Выпрямилась спина, расправились плечи, в еще недавно мертвых, безжизненных глазах появился блеск.

– Салман! – молодым, звонким голосом выкрикнул старик.

Тут же дверь в комнату открылась. На пороге возник молодой крепкий чеченец, один из многочисленных родственников пожилого.

– Салман, – уже тише и спокойнее сказал пожилой, – нужны ребята. Человек десять, с оружием. Машины. Завтра утром выезжаем в Краснодар.

Младший не стал задавать вопросов и тем более подвергать сомнению решение старшего рода. Только чуть склонил голову в знак того, что все слышал и все понял. Все будет сделано точно и в срок – старший знает, что и зачем он делает.

Младший неслышно покинул комнату, а старик почувствовал, что он действительно вернулся к жизни в полном смысле этого слова. Ему хотелось помыться, поесть и поспать. И, честно говоря, он и сам не знал, чего ему хочется больше.

Для него было важно видеть впереди цель, объект преследования. Именно в этой нескончаемой погоне он черпал жизненные силы. Именно она делала его жизнь яркой, полной и насыщенной.

3

– ...Надо сказать, что служба безопасности у него ни к черту. – Максим, не поворачивая головы, едва заметно дернул подбородком к правому плечу. Туда, где на противоположной стороне проспекта возвышалось здание корпорации Малышева.

Оболенский и Артем сидели в небольшом уютном кафе, как раз напротив центрального входа в офисное здание. Сам вход в обитель Виктора Георгиевича просматривался отсюда просто прекрасно, благодаря чисто промытым витринным стеклам.

– Одни понты, – продолжал Максим своего рода отчет. – Прошел – никто и слова не хрюкнул...

Сначала они пошли по пути наименьшего сопротивления. Проще говоря, не собирались играть в войнушку или сыщиков-разбойников. План действий был самый примитивный, в лучших бандитских традициях – позвонить, забить стрелку и устроить разборку.

Однако уже в самом начале этот план дал осечку. Ни один телефон Малышева не отвечал. Ни домашний, ни служебный, ни сотовый. Даже тот, что Малышев дал Максиму как свой личный и секретный, не отвечал. В офисе секретарша несла какую-то чушь типа того, что Виктора Георгиевича пока нет, когда он будет – неизвестно. Но если ей оставят информацию о звонившем, то она всенепременно... Как только...

Такой расклад никого из членов группы не устраивал. Ни к чему раскрываться преждевременно. Известно, что тот, кто предупрежден, тот вооружен. И самим отдавать оружие в руки вероятного противника по меньшей мере глупо.

– Скрывается, сука, – сделал вполне логичный вывод Артем. – Догадывается, что спрос будет по полной.

Остальные не спорили – мнение Рождественского было безоговорочно принято за основу.

Если человек скрывается, то его, понятное дело, нужно отыскать. Поэтому распределились следующим образом.

Гастарбайтер Сабиров отправился на Рублевку искать место дворника или садовника. Конечно, персонал в такие дома набирается через специализированные агентства, после углубленной проверки, при наличии серьезных рекомендаций... Но ведь никто не может запретить глупому Ровшану или Джамшуту походить, поспрашивать...

Василий, очистив от афганской пыли свое журналистское удостоверение, отправился на городскую квартиру Малышева. «Легенда» – лучше не придумаешь. Интересно, понимаешь, землякам-красногорцам, как живет и процветает в столице достигший немалых высот в бизнесе провинциал.

Ну а Артем и Максим взяли на себя самое сложное – офис. Кафе, в котором они торчали, оказалось здесь весьма и весьма кстати. Некоторое время приятели сидели за столиком у окна, потягивали кофе, а заодно вели наблюдение за входом. Изучали систему работы внешней охраны здания.

Минут через двадцать Максим оставил Рождественского в одиночестве и куда-то ушел. А еще через полчаса к центральному входу в офисное здание подошел курьер. Все, как полагается – униформа, какие-то пакеты, газеты, журналы в руках. Короткий разговор с охранниками – и курьер прошел внутрь здания. Артем, наблюдая за происходящим со стороны, только восхищенно покачал головой – молодец, Шаман!

Максим находился в здании минут тридцать пять – сорок. Потом вышел. Причем охранники на входе ничего странного в такой задержке курьера на охраняемом объекте не заметили. И вообще внимания на него не обратили. Минут через двадцать Максим, уже без униформы,

вернулся в кафе. Молоденькая официантка тут же поднесла к оккупированному приятелями столику две очередные чашечки кофе.

– Спасибо, милая! – улыбнулся девушке Оболенский. Отхлебнув глоток, сладко прижмурился: – Ох, хорошо!

Довольная официантка, улыбнувшись в ответ, побежала дальше. А Максим, сохраняя все то же безмятежное выражение лица, негромко начал своего рода отчет:

– Что-то мне происходящее не нравится. Ощущение такое, что корпорация Малыша находится в состоянии войны. Вот только с кем – непонятно. Внутренние посты явно усилены, народ какой-то настороженный, даже напуганный. Шушукуются по курилкам, на всех проходящих смотрят с подозрением. Мне удалось дойти до приемной. И могу тебе сказать – самого Витьки в офисе нет. И, похоже, уже не первый день. Не видели его. Всем управляет этот хрен из безопасности, бывший гэбэшник...

– Гэбэшников бывших не бывает, – усмехнулся Артем.

– Согласен, – кивнул Максим. И продолжил: – Какая-то часть руководителей верхнего эшелона примкнула к нему, вторая половина перешла в жесткую оппозицию. Теперь строят друг другу козни.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовался Артем.

– Пока – ничего, – ответил Максим. – Слишком мало информации для того, чтобы делать какие-то выводы. Так что надо бы подработать. А уже потом принимать решение.

Артем молча кивнул, соглашаясь. Как бы ни чесались у него руки, как бы ни хотелось добраться до Малышева, но лучше подождать, подсобрать информацию, обработать ее, чтобы потом уже действовать наверняка.

– Ладно. – Максим чуть прихлопнул ладонью по столешнице. – Вечером все вместе соберемся и все подробно обсудим. Кстати, надо бы кое-что прикупить, если процесс поиска затянется...

– Что именно? – уточнил Рождественский. В большей степени так, для порядка и поддержания разговора. Мысли его сейчас были совсем о другом.

– Пару машин – что-то мне не нравится по этому городу пешком шататься, – спокойно ответил Максим. – И компьютер нужен. Надо бы попробовать отыскать одного нашего общего знакомого...

Глава 3

1

– Разрешите? – Генерал Талаев замер на пороге кабинета начальника управления.

– А-а-а, это ты! – Можно было подумать, что шеф генерала уже забыл, кого он десять минут назад вызвал к себе. А еще Виктору Васильевичу очень не понравилось выражение лица начальника. Точнее, как он смотрел на подчиненного. Наверное, с таким же выражением лица могла бы смотреть гимназистка на дохлую мышь – с брезгливым отвращением. Талаев сразу понял – сейчас его ждет разнос.

– Ну, раз пришел, заходи, не стесняйся, – начальник управления приглашающе взмахнул рукой.

Проходя и занимая место за столом для совещаний, Талаев обратил внимание, что сегодня шеф, несмотря на относительно раннее время, выглядит усталым, а рука непривольно поглаживает под пиджаком рубашку в области сердца.

– Хочу тебя порадовать, – не без ехидства в голосе начал он после того, как генерал занял указанное ему место. – Только что был у директора... Так он о тебе вспоминал.

После этих слов Виктору Васильевичу стало как-то тоскливо. Тут уж не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы увязать нездоровый вид начальника и его встречу с директором службы государственной безопасности. Стало быть, Талаеву предстоит сейчас выступить в роли громоотвода, получив положенную ему по должности порцию начальственного гнева.

– Директор интересовался, – между тем продолжал начальник управления, – как долго ты еще собираешься порочить нашу службу?

Тон был самым будничным, голос – ровным. Ни малейшего намека на истеричные выкрики, к которым – что уж тут греха таить – был склонен начальник управления в работе с личным составом.

– Я не понимаю, о чем идет речь, – осторожно вставил Талаев, воспользовавшись тем, что начальник управления сделал короткую паузу.

– Не понимаешь – значит, не спросил, – констатировал начальник. – А вот это плохо. Будем объяснять.

Неожиданно лицо его скривилось в болезненной гримасе. Он принялся осторожно массировать грудь у сердца. Талаев терпеливо ожидал.

– Вчера состоялось заседание Совета безопасности с участием президента. И вот на этом заседании директор получил серьезный втык. Знаешь, за что?..

– Никак нет! – браво откликнулся генерал.

– А за то, что некто Бобошеров Тошали Шералиевич, гражданин Таджикистана, еще известный как агент нашей службы под псевдонимом Анчар, попытался вступить в контакт с резидентом ЦРУ Соединенных Штатов Америки на севере Афганистана. Этот самый Бобошеров и его американские друзья задумали бо-ольшую провокацию, направленную на подрыв международного престижа России...

Начальник управления замолчал и с удвоенным усилием принялся растирать сердце.

– Но у нас нет агента Анчар, – вставил Талаев. – И фамилия Бобошеров...

– Помолчи, – перебил генерала начальник управления. – Все вылезло наружу. Так вот, президент дал крайне низкую оценку работе нашей службы. И очень высоко оценил работу военной разведки. Именно благодаря умелым и решительным действиям их спецназа Бобошеров был ликвидирован, а церэушник захвачен и доставлен в Москву.

– Но это не были сотрудники военной разведки! – На секунду генерал-майор забыл все представления о субординации. – Это отщепенцы, уголовники, бандиты! Это...

– А какая, на хрен, разница?! – повысил голос начальник управления. – В разведке нет отбросов – есть кадры. Хоть сомалийские пираты или антарктические пингвины! Никто этого спрашивать не будет – победителей не судят. Пусть отщепенцы, пусть уголовники... Но они эффективно сработали на военную разведку и сумели предотвратить большой международный скандал. Кроме того, наметилась интереснейшая интрига с использованием информации, полученной от американского резидента. ГРУ сейчас в шоколаде, да так, что нашей службе и не снилось. Президент очень ими доволен. Увеличение финансирования, ордена, просто повышенное внимание. Чего нам, нашей службе, пока не светит. Ну а ты, генерал, получаешься крайним.

– Мне... – у Талаева перехватило горло. Но он быстро справился с собой. – Мне готовить дела к сдаче?

– Успокойся, – устало махнул рукой начальник управления. – Сначала, конечно, директор очень хотел твоей крови. Но потом решил – будешь предупрежден о неполном служебном. Только учти – сейчас ты на особом контроле. Штрафник, так сказать. И если еще что-нибудь такое упорешь... Ты, генерал, не просто вылетишь, ты под суд пойдешь. Всех собак на тебя навесят. Или ты думаешь, что о твоих шашнях с коммерсантами никто не знает?..

«Сдали, суки! – подумал Талаев. – Со всеми потрохами сдали!»

Но попытался все же побарахтаться.

– Какие коммерсанты? Да я вообще не понимаю, о чем идет речь!

– Что не понимаешь, это плохо, – сказал начальник управления. – А коммерсанты... Тебе фамилия Мальшев о чем-нибудь говорит?

Талаев хотел соврать, сыграть возмущение несправедливо оскорбленного человека. Но заглянул в глаза начальника управления – и просто опустил голову.

– Молчишь? – Начальник управления был безжалостен. – Правильно делаешь. Ты пойми: в нашей системе очень много людей, которым ты не нравишься. Конечно, чем выше ты поднимаешься, тем дальше тебе видно. Но ты учти, что нельзя забывать о тех, кто остается ниже. Им ведь тоже видно тебя намного лучше. Так что иди, генерал, служи и не забывай о том, о чем мы тут с тобой говорили.

Талаев подскочил с места, вытянулся, браво развернулся и четким, почти строевым шагом направился к двери. Вот только если бы кто-нибудь знал, чего ему стоила эта четкость! Ноги в коленях противно подрагивали, в животе образовалась сосущая пустота. Генерала тошнило, гулко бухали в висках тяжелые кузнечные молоты.

Кое-как добравшись до своего кабинета, Талаев для начала предупредил секретаршу о том, что ни для кого из подчиненных его нет. Потом с ходу – как воду, даже не почувствовав вкуса, – выпил целый чайный стакан коньяку. Стало немного легче. Талаев тяжело рухнул в кресло. Расположился поудобнее, откинулся на спинку, прикрыл глаза. Ему предстояло многое обдумать и принять какое-то решение.

Получалось, что все то, к чему он упорно стремился всю свою сознательную жизнь – шитая звезда, солидная должность в центральном аппарате, даже обширный, как футбольное поле, кабинет, – все это ерунда. Обычный мираж, как в пустыне. Видишь прекрасные дома на берегу водоемов с хрустально-чистой водой, стремишься добраться до этого сказочного места изо всех сил... А добравшись, находишь все тот же безжизненный песок. И чешет незадачливый путешественник репу – а куда же подевалась вся красота?..

Сейчас в роли такого путешественника был Виктор Васильевич. Оказалось, что, добившись того, к чему стремился, он не получил практически ничего. Да, он живет в столице, он занимает определенное положение, имеет высокий оклад, некоторое влияние. Но вместе с этим он еще имеет и Большого Брата, который постоянно следит за каждым его шагом и в курсе

всех его дел. Даже тех, которые Конторы, на первый взгляд, и не касаются. Хотя... Зря он так. Большого Брата касаются все дела и даже делишки братьев меньших.

Может, плюнуть на все, взять отпуск да и слинять за границу? В тот же Лондон, к опальному олигарху с очень характерным – для русского олигарха и большого патриота – отчеством? Как Калугин, нести всякую чушь о перманентном заговоре в отношении борца за демократию?

Глупость. Олигарх, так и не сумевший перешагнуть свой уровень мелкого спекулянта, оторванный от властной кормушки, не способен заработать себе на жизнь. Прожирая награбленное ранее, стал довольно прижимист. И ему хватает глупых, но бесконечно преданных и потому зависимых перебежчиков. Да и место шута при нем уже давно и прочно занял тот же – не к ночи помянутый – Калугин.

К тому же в отличие от того же генерала – «разоблачителя» режима, непонятно как попавшего когда-то в систему госбезопасности, он, Талаев, профессионал, прошедший очень непростой путь от лейтенанта до генерала. И знает он ого-го сколько! Разумеется, ни одна западная разведка не оставит без внимания такой вот лакомый кусок. И жильё подберут, и деньги подкинут...

Ага. А потом в один далеко не прекрасный день он просто не проснется в этом своем новом доме. Грибками отравится... Или соплями во сне захлебнется. А кто-нибудь из бывших коллег презрительно назовет его предателем и скажет, что сдох он под забором, как того и заслуживал. Тем более что побег ничего ему не дает. Малышевские деньги он теряет что так, что этак. Тогда какой же смысл в бегстве?.. Так что лучше уж здесь, сохранив честное имя и власть. Пусть и не такую, как хотелось бы. Власть – это то, ради чего стоит жить. Талаеву нравилось ощущение собственного могущества. В те минуты, когда он принимал решение, кому жить, а кому и умирать, при этом даже никогда в жизни не видел человека, чью судьбу он решал... В такие минуты генерал чувствовал себя если не Богом, то первым его помощником – точно. И добровольно отказаться от этого?! Да ни за что на свете!

Видимо, со всеми левыми телодвижениями придется завязать. Жалко, конечно, тех денег, что шли из концерна Малышева... Вот только деньги в этой жизни – не главное. Главное вообще-то – сама жизнь. И прожить ее нужно. Причем лучше всего до естественного конца и не в тюремной камере.

Послышался негромкий зуммер, и на аппарате внутренней связи замигала зеленая лампочка. Талаев срочно понадобился своему секретарю.

– Да. – Генерал нажал клавишу переговорного устройства.

– Виктор Васильевич, вас по телефону домогается Старостин, – сообщила хозяйка приемной.

– Меня нет, – повторил Талаев то, что уже сказал ей минут пятнадцать назад.

– Я сообщила ему... – в голосе секретарши послышались виноватые нотки. – Но только он настаивает. Говорит, что срочно.

– Мало ли что он говорит, – пробурчал генерал. – Меня нет – и точка. А именно для него я вообще в командировке. В бессрочной. Понятно?

– Так точно! – по-военному ответила секретарша. Вообще-то ей, прапорщику госбезопасности, так и положено было отвечать.

Талаев отключил переговорник и опять откинулся в кресле. Но насладиться покоем, прошедшим после того, как было принято окончательное решение, не удалось. Зазвонил лежащий на столе мобильник.

– Твою же мать! – ругнулся генерал и взял трубку. Взглянув на дисплей, увидел знакомую фамилию – Старостин. Хмыкнул негромко, повертел телефон в руках... Нет уж! Рвать – так сразу и до конца. И Талаев сбросил звонок. Если умный, все поймет. А если дурак... Тут уж Виктор Васильевич ничем ему помочь не сможет.

Отложив мобильник, взялся за телефон внутренней связи.

– Нина Ивановна, подготовьте отношение в службу внутренней охраны. Пропуск на имя Старостина изъять, его владельцу доступ в здание запретить.

– Хорошо, товарищ генерал, – ответила прапорщик-секретарь. – Будет сделано.

– Сделайте прямо сейчас, – распорядился Виктор Васильевич.

Он не хотел ни встречаться со Старостиным, ни тем более о чем-то с ним беседовать. Как говорится, долгие проводы – лишние слезы. Лучше так, по-английски, не прощаясь и ничего не объясняя.

Отныне и навсегда он для Старостина в командировке. В Антарктиде. На нелегальной работе среди пингвинов.

2

– Подведем итоги дня. – Группа наемников, перешедших в разряд вольных стрелков, собралась на той же квартире.

– Значит, так, – привычно начал Скопцов. – Малышев в своей квартире не появлялся как минимум неделю. Служебная машина за ним не приходит. Разумеется, внутрь квартиры меня не пустили. И охранники со мной говорить не стали. Но мне удалось пообщаться с домработницей...

Василий выдержал паузу, подогревая интерес товарищей. Пауза несколько затянулась, и Оболенскому пришлось одернуть напарника:

– Вася, не кокетничай, как девочка. Говори по делу.

– Ну ладно! – махнул рукой Скопцов. – Скучные вы, однако, люди. В общем, Малышев действительно исчез неделю назад. Именно исчез – все указывает на то, что с работы он вернулся в квартиру, переделся в спортивный костюм, поработал в кабинете... А вот на следующее утро в квартире его уже не было.

– Семья? – то ли спросил, то ли просто подумал вслух Артем.

– Семья, жена и сын, – за границей, – ответил Василий. – Где-то в Европе.

– Может, к ним и улетел? – выдвинул версию Оболенский. – От греха подальше...

– В домашнем спортивном костюме? – задал встречный вопрос Василий. – Никого не предупредив на фирме?

– Да-а... – задумчиво протянул Максим. – Это вряд ли... Насколько я знаю Малыша.

– Что еще? – поторопил Скопцова Артем.

– У меня сложилось такое ощущение, что охранник – не тот, который в квартире, а тот, что на воротах, внизу, – что-то знает. Но расколоть его мне не удалось.

– Этот охранник – он откуда? – уточнил Рождественский.

– Он – из ЧОПа, – ответил Василий. – А вот тот, что в квартире, – из службы безопасности концерна.

– Понятно, – кивнул Артем. Развернулся к Сабирову: – Дед, что у тебя?

– Ничего хорошего, – мрачно откликнулся Шовкат. – Получил пару пинков, дубинкой по спине... С собаками в догонялки поиграл...

– И кто выиграл? – хихикнул расшалившийся Скопцов. – Ты? Или собаки?

Сабиров недовольно покосился в сторону приятеля, шумно вздохнул, но от каких-то комментариев воздержался. Стал говорить по делу:

– В доме на Рублевке его нет – это совершенно точно. Больше ничего узнать не удалось. – Шовкат чуть повысил голос: – Мужики, я не пойму – откуда здесь взялось столько козлов?! Честное слово, раньше люди были добрее! А сейчас... Как будто какого-то озверина нажрались! Те же собаки – и то приличнее выглядят. Симпатичнее...

– Время такое, – грустно усмехнулся Оболенский. – И город. А люди... Люди всегда такими были.

– Ладно, отставить лирику, – приказал Артем. – Шаман нырнул в офис – там Малышева тоже нет. И по времени соответствует тому, о чем говорил Скопа. Примерно неделя. Таким образом, варианта только два: либо Малышев сознательно нас подставил и пустился в бега, либо...

– Либо Малыш сам попал в беду, – подхватил Оболенский. – В любом случае нам необходимо его найти и окончательно во всем разобраться. И в связи с этим у меня есть вопрос...

– Спрашивай, – важно кивнул Скопцов.

– Все не так просто, как думалось вначале, – продолжал Максим. – Поэтому нам понадобится транспорт, спецтехника, не исключено, что и оружие. Как вы относитесь к тому, если все это будет приобретено за счет общих средств? Тех, что добыли у Бобошерава?

– Да не вопрос, – первым откликнулся Василий.

– Я вообще к этим деньгам... – пожал плечами Шовкат.

– Не обсуждается! – отрезал Артем.

– Ну что же, – продолжал ухмыляться Максим. – Такое единодушие не может не радовать. Значит, завтра займемся экипировкой. А послезавтра нас ждет встреча с прекрасным...

– В Мавзолей, что ли, поведешь? – продолжал дурачиться Скопцов. – Или в стриптиз-бар?

– Что-то типа этого, – загадочно ответил Оболенский. – Завтра обсудим подробнее...

3

Старостин пребывал в состоянии, близком к шоковому. Его кинули самым безобразным образом. Причем именно те, на чью помощь и поддержку он рассчитывал. Личный телефон генерала Талаева не отвечал. Точнее, отвечал, но... Лучше бы помалкивал. «Связь с данным абонентом невозможна». Секретарша Виктора Васильевича, придумывая отмазки, даже особо не изощрялась, используя через одну универсальные формулировки: «вышел» и «выехал».

А когда Старостин попытался прорваться непосредственно в кабинет куратора, его ожидал очередной болезненный удар. На проходной прапорщик, придирчиво изучив его пропуск, неожиданно убрал жесткий ламинированный прямоугольник в карман и заявил:

– Гражданин, ваш пропуск недействителен.

– Как это – недействителен? – растерялся Андрей Михайлович. – Почему?!

– Не знаю, – пожал плечами прапорщик. И добавил жестко: – Отойдите, не загоразживайте проход!

Старостин потратил еще некоторое время, пытаясь что-то кому-то доказать. А потом вдруг понял с потрясающей ясностью – его просто бросили, как надоевшую супругу. Система, служению которой он посвятил свою жизнь, отторгла его, как инородное тело.

Сказать, что Андрею Михайловичу было обидно, – это значит ничего не сказать. Ему было по-настоящему больно. А еще – страшно... Долгие годы – практически всю свою сознательную жизнь – Старостин ощущал себя частью огромной и всемогущей машины подавления. Он никогда не был одиночкой – за его спиной стояла мощная и надежная, как танковый дизель, система. Теперь он остался один. Один – против всех. Ему предстояло научиться если не жить, то выживать в этом странном и жутком мире. А тут еще эта авантюра с Малышевым. И пути назад нет. Теперь – уже точно нет. И продолжать одному просто невозможно.

Ну что же... Если система от него отказалась, то он, в свою очередь, не считает, что остался ей что-то должен. А союзников он найдет. Даже и искать не придется. Просто не надо жадиться, стараться натянуть одеяло на себя. Делиться надо. А с кем – он знает.

Усевшись в свою машину, Старостин вытащил сотовый и набрал знакомый номер...

– Михаил?... Привет. Это я. Надо встретиться – есть серьезный разговор. Очень серьезный...

4

Гена Плюснин не шел – он крался. Среди белого дня по оживленным и многолюдным улицам большого города в условиях мирной и даже беспечной для обывателей жизни референт пропавшего Малышева перемещался от укрытия к укрытию. Перебежка, осмотр территории впереди и сзади. Впереди – на предмет обнаружения грозящей опасности. Сзади – разумеется, для выявления преследования или наблюдения.

Конечно, Гена, человек сугубо гражданский и даже в армии не служивший, не владел приемами обнаружения наружного наблюдения, сам это понимал, и потому ему было еще страшнее. Он дико боялся случайно столкнуться не только с самим Старостиным или с кем-нибудь из службы безопасности; в равной степени его страшила встреча с любым сотрудником головного офиса концерна.

Правда, в таком густонаселенном, многомиллионном городе, как Москва, вероятность случайной встречи со знакомым равна нулю. По всем законам математики и теории вероятности. Однако математика – это наука в чистом виде. А вот жизнь – это жизнь, которая идет по своим собственным, не имеющим никакого отношения к логике, законам. И в ней возможно все.

Если быть до конца честным, Гена никогда бы не вышел из дому при свете солнца. Вообще, последнюю неделю, после возвращения из-за границы, он вел образ жизни, больше свойственный вампирам – если, конечно, безоглядно верить голливудским сценаристам. Днем Гена спал, а с наступлением темноты выбирался из арендованной им квартиры на городские улицы. Но не для поиска жертвы, а всего лишь затариться продуктами в ближайшем супермаркете.

Однако вчера произошло событие, заставившее малышевского референта изменить своим новоприобретенным привычкам. Вчера он получил письмо. Нет, не то, в конверте, что почтальон вкладывает в почтовый ящик. Если бы Плюснин получил такое письмо на никому не известный адрес, то он воспринял бы его как сигнал опасности и пустился бы в бег. Письмо было электронным. И пришло оно на почтовый ящик, который был специально создан на одном из интернет-порталов для проведения операции в Таджикистане. И который соответственно был известен только строго ограниченному кругу лиц. В письме – только два слова. «Необходимо встретиться». Дальше: дата, время и место.

Сначала Гена обрадовался. Это письмо очень многое для него значило. Ну хотя бы то, что те ребята, которых он по указанию Малышева отправлял в Среднюю Азию, не только выжили, но и вернулись в столицу России. И теперь он может обратиться к ним за помощью и защитой. Но тут же радость отошла на задний план, уступив место страху. А вдруг это письмо – происки Старостина? Вдруг он каким-то таинственным образом узнал электронный адрес и использовал его для того, чтобы выманить Плюснина из убежища? Каким образом Андрей Михайлович мог узнать секретный адрес, Гена не задумывался. Он твердо верил в профессионализм и хитрость Старостина. Да и вообще, под влиянием обстоятельств референт потихоньку приближался к параною. Хотя в этом он бы никогда не признался даже себе самому.

Таким образом, перед Генной встала трудноразрешимая дилемма. С одной стороны, он не мог не пойти на эту встречу – в ней была единственная надежда на спасение. С другой стороны, он просто-напросто боялся...

Проведя ночь в раздумьях, поминутно меняя решение и строя уже совсем фантастические планы, он к утру все же пришел к тому, что на встречу идти надо. Однако при этом старался соблюдать все возможные и доступные ему меры безопасности.

На практике это выглядело не только наивно, но и странно. По крайней мере, для окружающих. Однако Гена не обращал на них внимания. К назначенному месту встречи он пришел

примерно минут за двадцать до условленного времени. Дважды обошел по кругу небольшой сквер, определенный как место «стрелки». При этом, внимательно разглядывая редких гуляющих в сквере людей, сам Плюснин старался держаться за редкими деревьями и кустарниками, не выходя на открытое место.

К слову, в эти минуты сам референт выглядел как минимум необычно. Он сутулился, подозрительно оглядывался по сторонам и явно сторонился людей. Стараясь быть незаметным, Плюснин, наоборот, привлекал к себе повышенное внимание окружающих. Впрочем, тех немногих, кто отдыхал в сквере, такое поведение не напрягало. Мало ли у нас психов? Страна, извините, такая. Сплошное Поле Чудес...

На третьем круге к Гене неожиданно обратился непонятно откуда взявшийся человек с восточной внешностью. Вообще-то его скорее можно было бы принять за кавказца – черняв, смугляв, горбонос... Но тибетейка и пестрый халат четко указывали на то, что еще совсем недавно этот прохожий пас барашков где-то в Средней Азии.

– Простите, уважаемый... – Восточный человек заступил Плюснину дорогу.

Сначала Гена шарханулся в сторону – обращение незнакомца его напугало. Однако человек выглядел таким безобидным... Да, довольно высок – выше Гены, широкоплеч... Но при этом – сведенные к переносице глаза, чуть склоненная к плечу голова. Этаким даун...

Человек протягивал какой-то обрывок бумаги. Несмело протягивал – рука полусогнута, кисть почти у бедра. Явный гастарбайтер, растерявшийся и заблудившийся в хитросплетении московских улиц и переулков, прибывший сюда из своей тмутаракани в поисках лучшей доли.

Быстро оглянувшись вправо-влево, Плюснин не заметил никакой явной опасности и чуть-чуть расслабился. Шагнул ближе к жалобно, просительно глядящему на него гастарбайтеру, протянул руку к бумажке:

– Что там у тебя?

Человек, обрадовавшись, закивал, сделал зачем-то шаг в сторону – Гена невольно последовал за ним, разворачиваясь спиной к проезжей части. Гастарбайтер, что-то неразборчиво лопоча, сунул бумажку в ладонь Гены... И тут же запястье референта оказалось в жестком, как железо, захвате. Гена попытался было вырваться, да куда там! А за его спиной уже тормозил какой-то автомобиль. Плюснин спинным мозгом ощутил исходящую от этой машины опасность, отчаянно рванулся еще раз. Но восточный человек, с лица которого исчезло глуповато-простодушное выражение, без особого труда удержал его на месте. И сразу же толкнул Плюснина к машине, где уже стоял еще один мужчина.

Жесткая, как деревяшка, ладонь легла на затылок Плюснина, наклоняя его голову, а из открытой задней дверцы высунулись две мужские – все в жгутах вздувшихся жил – руки, которые бесцеремонно вцепились в одежду Геннадия.

Референт не успел ничего толком ни понять, ни разглядеть – совместными усилиями троих человек Гена оказался в салоне автомобиля в какие-то секунды. Тут же, справа, рядом с ним упал один из захватчиков. Восточный человек, на ходу снимая тибетейку и халат, плюхнулся на переднее сиденье. Двери машины почти синхронно хлопнули, и автомобиль тут же сорвался с места.

– Уф-ф! – шумно выдохнул восточный человек, который теперь выглядел не таким уж и восточным. Просто чернявый такой цыганистый парень. – Упарился в этой сбруе!

Он старательно заталкивал под сиденье свою экипировку.

– А ничё! – хохотнул сидевший слева от Гены крепыш. – Тебе, Дед, идет! – И тут же не сильно, а так, в большей степени игриво ткнул Плюснина локтем в бок: – Ну что? Попался, сучонок? Ты не бойся, мы тебя не больно зарежем. Чик – и все!

Гена – обмякший, подавленный, резко обессилевший – кое-как поднял голову и взглянул в лицо своего соседа, потенциального убийцы. Да уж... Теперь сомнения в собственном печальном будущем отпали окончательно. Такой убьет и глазом не поведет. Откровенно бан-

дитская рожа – короткая стрижка, шрам на лбу, свернутый на сторону нос, металлические фиксы...

Плюснин уронил голову на грудь. И все же, почему это отвратительное бандитское мурло кажется ему знакомым? Где они могли раньше встречаться? Где-нибудь в клубе? Нет. Может, в офисе? Ага. Пропавший Малышев с такими орлами никогда дела не имел.

Малышев... Почему-то Гена зацепился за фамилию шефа. Что могло вызвать такие вот неуместные ассоциации? Он еще раз украдкой взглянул в лицо веселого бандита. И тут вспомнил все. И где он видел этого здоровяка, и при каких обстоятельствах...

– С-скопа?.. – неуверенно спросил Плюснин то ли у соседа, то ли у себя самого.

– Узнал, сучонок! – обрадовался «бандит». – Чует кошка, чье...

Гена уже не слушал – он быстро взглянул на соседа справа.

– Монах! – Второго он теперь узнал с одного взгляда. – Ребята, это вы?! Живые?!

– Не переживай, – посоветовал водитель. – Твоей заслуги в этом точно нет.

– Ребята! Ребята! – как заведенный, повторял Плюснин. – Ребята!

Неожиданно он разрыдался. Громко, в голос.

– О как! – удивился Василий. – Совесть замучила? Эх его однако...

Референт Малышева его не слышал. Да и не видел за пеленой слез. Он плакал так, как не плакал с самого раннего детства. И вместе со слезами уходили прочь все недавние страхи, боль, неуверенность. Теперь Гена знал точно – все будет хорошо...

Глава 4

1

Черный внедорожник, стекла которого были наглухо, под зеркало, затонированы, остановился возле недостроенного дома в одном из поселков ближнего Подмосковья. Оскалился решеткой радиатора на металлические ворота. Подчиняясь руке водителя, автомобиль просигналил, требуя немедленно впустить его во двор.

Какое-то время ничего не происходило. И вообще, складывалось такое впечатление, что в доме никого нет, что он необитаем. Однако примерно через минуту калитка в кирпичной стене, сбоку от ворот, отворилась, выпуская на улицу довольно крупного человека лет двадцати пяти – двадцати семи на вид. Глядя на него, складывалось такое впечатление, что он только что встал с постели. И одет был соответствующим образом – яркие шорты и резиновые тапочки на босу ногу. Больше ничего на вышедшем за калитку надето не было, и он блистал незагорелым торсом. Приходится отдать должное – молодой человек обладал довольно объемной мускулатурой. Правда, на Шварценеггера не тянул – мышцы его уже были дрябловаты, и рельефность их смазывалась изрядной толщины слоем подкожного жира. А солидное брюхо, свисающее над поддерживающим шорты шнурком, прямо указывало на то, что этот здоровяк давно не посещает спортивный зал, предпочитая проводить свободное время в праздности, с бутылкой-другой холодного пива.

Почесывая брюхо, крепьш, чуть прищурившись, уставился на подъехавший джип. Водитель слегка коснулся кнопки сигнала, и машина коротко квакнула, как бы приветствуя местного домового. Крепьш, в свою очередь, взмахнул рукой в приветственном жесте, коротко кивнул и вернулся во двор. Через несколько секунд ворота широко распахнулись. Внедорожник, заурчав двигателем, как сытый кот, вкатился во двор. Сразу же за кормой автомашины створки ворот сошлись, перекрывая обзор возможным нескромным взглядам.

Передние двери машины открылись почти синхронно, и из темных недр не спеша, с чувством собственного достоинства выбрались двое. Один – тот, что приехал на пассажирском месте, – был Андрей Михайлович Старостин. Старый знакомый...

Тот же, что занимал место водителя, заслуживал того, чтобы рассказать о нем подробнее. Чуть выше среднего роста, грузный мужчина лет сорока. Коротко остриженная – по бандитской моде девяностых – шарообразная голова. Толстые, отвисающие щеки делали приехавшего немного похожим на бульдога. И одновременно благодаря маленьким острым буравчикам глазок он походил и на дикого кабана. Это сходство еще и усиливало выражение упрямства на его лице. Такой вот странный гибрид получился...

– Кирпич где? – не поздоровавшись, брюзгливо спросил водитель сонного «швейцара».

– В хате, – коротко и быстро откликнулся тот. Кстати, от недавней его вальяжности не осталось и следа – сейчас он в большей степени напоминал молодого солдата, отвечавшего на древний, но тем не менее не утративший свою актуальность вопрос: «Сколько «старому» осталось?» То есть ручки опущены, подбородочек, наоборот, приподнят. И даже брюхо втянуть постарался. Впрочем, без особого успеха.

– «В хате!» – ворчливо передразнил «швейцара» приезжий. – Смотрю, Кирпич реально приподнялся, забурел. Уже и задницу от стула лишний раз не оторвет!

– Да чо ты, в самом деле, Михей... – попытался было что-то объяснить молодой солдат, но только приезжий и слушать его не стал:

– Ты мне тут не чокай! Давай, в дом веди!

Малый, поддернув шорты, почти бегом бросился на высокое крыльцо. Михай, зыркая по сторонам, последовал за ним. Замыкал процессию Старостин.

Оказалось, что Кирпичом называли невысокого и щупловатого на вид, но востроглазого и подвижного, как ртуть, парня лет тридцати. Старостин, глядя на него, невольно задумался, а каким образом дают клички в бандитской среде. Ничего, ну совершенно ничего общего с героем Садалевского из известного телефильма. Даже намек на шепелявость – и тот отсутствует.

– Здорово, Михай! – четко и ясно выговорил Кирпич, встречая старшего в обширной, но полностью не отделанной и лишенной мебели прихожей.

– Здоровее видали! – буркнул Михай, отворачиваясь. Однако протянутую ему ладонь пожал. Видимо, этот самый Кирпич входил в число ближних авторитета. – Как клиент? – все так же угрюмо спросил он.

– А что ему будет? – довольно беспечно – что очень не понравилось Старостину – отмахнулся Кирпич. – Сидит, грустит, за жизнь свою несправедную думает...

– Ладно. – «Пахан» покосился в сторону своего спутника и добавил не особенно уверенно: – Ну, вы тут это... Смотрите... Чтобы все по уму...

– Да все ладушки! – дохнул густым пивным перегаром Кирпич. – Да мы тут!..

– Заметно, – вроде как вскользь проговорил Старостин. – Что вы тут.

Кирпич ожег Андрея Михайловича неприязненным взглядом, но промолчал. Кто его знает, какие дела у этого мужика со старшим? С виду, конечно, лох последний. Однако не стал бы Михай таскать с собой лоха. Тем более в место, где находится клиент – взятый в заложники объект вымогательства. Ляпнешь что не в строку, а потом придется рамс разводить...

– Ладно, – уже другим, примирительным тоном повторил Михай. – Слышь, Кирпич, мы в подвал, с клиентом почирикаем пару минут... Ключ дай.

– Да там замок не заперт, – ответил Кирпич. – Так наброшен...

– Как это – «так»?! – Старостин все же не выдержал, вспылил. – Я же в прошлый раз ясно сказал!..

– Там дверь – из гранатомета не прошибешь. – Подчеркнуто не замечая Старостина, Кирпич обращался к Михею. – Что с ней будет! Этот малый ее в жизнь не свернет!

– Хорош собачиться! – взмахнул рукой авторитет. – Дело надо делать.

– Вот и я говорю!.. – попытался было развить всерьез затронувшую его тему Андрей Михайлович, однако Михай не был расположен к тому, чтобы воспитывать своих людей при постороннем.

– Завязывай! – сказал он, приобнимая Старостина за плечи. – Пойдем поговорим с этим кадром. Ты с нами не ходи!

Последняя фраза была предназначена Кирпичу, который вслед за авторитетом и его спутником тоже было шагнул к ведущей вниз лестнице.

– Здесь оставайся, – продолжил Михай. – Мы недолго...

Когда они остались вдвоем на лестнице, «безопасник» попытался продолжить разговор:

– Ты пойми, Михаил, так ведь нельзя! Твои ребята совершенно расслабленные! Они же здесь просто отдыхают!

– А ты чего хотел? – недовольно скривился авторитет. – Они тебе что, солдаты, чтобы караульную службу по уставу тянуть? Дверь в подвале реально крепкая, специально под такой вот случай и делалась...

Сокрушаясь, Старостин только рукой махнул. Эти люди живут, руководствуясь своими собственными представлениями об окружающем мире. И пытаться их перевоспитать – занятие глупое и бессмысленное.

...Появление «тюремщиков» внешне на пленнике нисколько не отразилось. Можно сказать, не произвело впечатления. Малышев их подчеркнуто, демонстративно не замечал. Про-

сто сидел на матрасе, подтянув поближе к телу колени и уложив на них подбородок. Смотрел куда-то вдаль, за крепкие бетонные стены подвала.

Новые напарники не спеша подошли поближе, нависли над бизнесменом... Реакция – все та же. Точнее, полное ее отсутствие. Старостин еще раз удивился, как же он мог так ошибаться, считая этого человека слабым и беспомощным в повседневной жизни, во всем том, что не касалось бизнеса. Кремень-мужик! Выдержка – железная! Достойный противник, который невольно вызывает уважение к себе. И тем приятнее будет его сломать...

– Здравствуйте, Виктор Георгиевич, – начал разговор Старостин.

Разумеется, Малышев ему не ответил. И даже сделал вид, что приветствия вообще не услышал.

– Грязный, вонючий и холодный подвал... – Старостин как бы размышлял вслух. – Незавидное, унижительное положение пленника...

Броде бы в интонациях Старостина прозвучали сочувствующие нотки, этакое предложение к диалогу, к обсуждению условий капитуляции... Однако Малышев на такую вот замануху не купился. Не дернулся, не шевельнулся, даже бровью не повел. И Андрей Михайлович вынужден был продолжать сам.

– А ведь все это можно изменить... – подкидывал он противнику пищу для размышлений. – Будь на то ваша добрая воля...

Сложно было вести такой разговор. Обычно все обставлялось немного по-другому. В диалоге, получая от собеседника ответы на простые, в сущности, вопросы, подспудно ищешь в душе противника слабые звенья, те чувствительные струны, играя на которых рано или поздно сможешь склонить человека к тому самому, нужному тебе, решению. В данном же случае появлялось такое ощущение, что разговариваешь со стеной... Вот и приходилось Старостину вести монолог, как какому-то трагическому актеру.

Неожиданно в разговор вмешался Михей, которому, видимо, наскучила роль статиста. Причем вмешательство это произошло самым кардинальным образом – бандит легонько пнул сидящего Малышева в бок, после чего угрожающе спросил:

– Слышь, ты, конь педальный! Ты что, не всасываешь – с тобой человек базарит!

Виктор Георгиевич чуть качнулся, поднял голову, с откровенным, нескрываемым презрением несколько секунд разглядывал бандита, а потом коротко и ясно порекомендовал тому отправиться в увлекательнейшую пешую прогулку. Причем конечным ее пунктом должно было стать место общеизвестное, но обычно вслух не называемое.

Эта рекомендация Михея изрядно огорчила. Сделана она была громко, вслух и со вкусом. Да еще и при постороннем человеке. Авторитет побагровел – Старостину даже на мгновение показалось, что его круглое лицо сейчас треснет, как перезрелый помидор. А дальше Михей – «безопасник» не сумел предугадать реакцию бандита – уже не сдерживаясь, в полную силу, зарядил ногой Малышеву в голову. Бизнесмен без звука тяжело рухнул на матрас, служивший ему постелью.

– С-сука какая! – ругнулся авторитет, с ненавистью глядя на распростершегося перед ним Виктора. – Всю ногу об него отбил!

Он сделал еще одну попытку пнуть поверженного противника, однако Старостин на этот раз успел – оттащил Михея в сторону.

– Что ты делаешь?! – не на шутку испугался он. – Ты же его убьешь!

Михей вскинулся, взглянул в лицо Старостина налитыми кровью, бешеными глазами. Тому пришлось пережить несколько неприятных секунд – казалось, что авторитет хочет уложить и самого Андрея Михайловича рядом с его бывшим шефом.

Однако Михей сдержался. Небрежно стряхнул руку Старостина со своего локтя, сплюнул в сторону неподвижно лежащего Малышева, после чего сказал:

– А ты еще не понял?

– Ты о чем? – Неприятно было то, что Михей окончательно перешел на «ты». Если он раньше обращался к Старостину хотя бы по отчеству, признавая тем самым его главенствующую роль, то сейчас обращался как к равному.

– Его, – Михей кивнул в сторону Малышева, – полюбэ валить надо. Я таких знаю – хрен от него чего добьешься. Он себя убить позволит, но только по-нашему не будет. Тут – тупик. Поэтому нужны другие варианты.

– А какие могут быть другие? – несколько растерянно уточнил Старостин.

– Ты его лучше знаешь – ты и думай, – отрезал Михей. Но тут же, сжалившись над менее опытным в такого рода делах напарником, снисходительно объяснил: – Надо так сделать, чтобы он нас сам просил все забрать. А мы бы еще и выжились – да на фиг оно нам нужно!

– Но как это сделать? – продолжал недоумевать Старостин.

– Как? Ну, например... – Михей на мгновение задумался. – А вот есть у него старенькая мама?

– Его мать убили, – сообщил Андрей Михайлович. И зачем-то пустился в объяснения: – Ее застрелили. Она была судьей и...

– Это – детали, – небрежно перебил Михей. Ему явно нравилась роль лидера в их тандеме. – Жена, ребенок?..

– В смысле? – Вот сейчас Старостин прекрасно понимал, о чем идет речь. Но уж очень не хотелось окончательно принимать правила игры. Еще теплилась искорка надежды – а вдруг пронесет?.. Вдруг все само рассосется?.. И не придется самому окончательно переступить через черту, которая – как он надеялся – пока еще разделяет его и Михея.

Не пронесло. И не рассосалось.

– Что тут не понять?! – удивился Михей, подозрительно покосившись на собеседника. – Жена, ребенок у него есть?

– Есть, – сообщил Старостин. – Жена. Вероника. И сын, Дениска...

– Так надо их сюда тащить! – обрадовался Михей. – Когда мои пацаны на его глазах эту Веронику раскладывать начнут, все отдаст!

– Но... – Старостин на мгновение представил себе эту картину, и его даже замутило немного. Хотя какой-то особой чувствительностью он уже давно не отличался. – Но они сейчас в Швейцарии.

Ему казалось, что он нашел очень убедительную причину не трогать женщину и ребенка. Однако Михей думал по-другому.

– Так ты придумай, как их оттуда вытянуть! – презрительно глядя на партнера, произнес бандит. – Найди причину. А уж мои пацаны их в аэропорту встретят и сразу сюда притянут. И все дела!

– Да какую тут можно найти причину? – откровенно тупил Старостин.

– Придумай! – отрезал Михей. И, чуть склонившись вперед, к уху собеседника, добавил: – И давай без этого... Не надо меня кидать. Мы с тобой теперь в одной лодке. И – если что – тонуть тоже будем вместе. Ты меня понял?..

Андрей Михайлович лишь кивнул в ответ. Он все понял. Не получится так, как хотелось. Чтобы вся грязная работа была сделана чужими руками. Не так уж и важно – службы или Михея. Не получится отстояться в стороне, прийти потом на готовое и во всем белом. Не выйдет. Михей не позволит. Понимает, что непосредственное участие Андрея Михайловича в криминальных делишках – залог его собственной безопасности.

Уже наверху, перед тем, как усесться в машину, авторитет дал последние наставления Кирпичу:

– Клиента не кормить, воды не давать. А то он у вас слишком уж расслабленный. Можете даже попинать его немного, для профилактики...

– Но только без фанатизма! – торопливо добавил Старостин. – Нам он нужен живым и относительно здоровым.

– Во-во! – великодушно согласился Михай. И тут же многозначительно заявил: – Пока нужен...

2

Виктор Георгиевич не потерял сознания, как думалось Михею. Несмотря на внешнюю худобу, он от природы был довольно крепким человеком. К тому же старался вести здоровый образ жизни, следил за своей физической формой, по мере возможности посещал спортзал. Так что удар Михея его не вырубил. Однако он, как говорят боксеры, «поплыл». Его плавно покачивало на теплых волнах, унося в открытое море, стены его узилища медленно кружили в хороводе...

Окончательно Малышев пришел в себя только минут через пять, не раньше. Сел на матрасе-подстилке, оперся спиной о стену. Осторожно потрогал кончиками пальцев левую скулу. Та часть лица, на которую пришелся удар авторитета, начинала прямо на глазах – если можно так сказать – опухать. Заплывал понемногу левый глаз, в голове набатом гудели колокола.

Однако были и положительные стороны. На лице не имелось ни переломов, ни рассечений, что в условиях неволи могло грозить самыми непредсказуемыми последствиями. Даже зубы все остались на месте. Так что можно уверенно сказать – Виктор Георгиевич в данной ситуации отделался минимальными потерями. Такое положение дел не могло не порадовать пленника.

Завершив ревизию собственного организма, Виктор полностью сосредоточился на том, чтобы вспомнить, о чем же говорили его враги. Получалось, правда, не ахти как хорошо – мешал проклятый гул в голове. В этом гуле, как в густом сиропе, плавали какие-то отдельные слова, никак не желающие складываться в завершённые фразы. Что-то насчет «замочить», «придумать»... Мелькали имена – Вероника, Дениска. Имена-то знакомые... Но только Виктор никак не мог вспомнить лица тех людей, кому они принадлежат.

Вероника... Виктор попробовал имя на вкус и вдруг вспомнил. Это же его жена, Вероника Малышева! И сразу же, одномоментно, предельно точно, до последнего слова, до мельчайших нюансов интонаций, вспомнился весь разговор подельников.

Его жене и сыну грозит опасность! И он просто обязан их спасти. Любой ценой, приложив любые усилия – обязан. О том, что опасность – и нешуточная – грозит ему самому, Виктор в эти минуты не думал. В нем выиграло первобытное стремление самца защитить свою самку и потомство от враждебных посягательств.

И тут же накатила, обдала дурнотой другая мысль – а что он может сейчас, находясь в плену?! Из этого подвала нет выхода... Чушь! Выход есть всегда! И нужно просто его отыскать. Не бывает безвыходных ситуаций. И уж кому, как не Виктору Малышеву, об этом знать.

Вероника – это вообще отдельный разговор. Виктор никогда бы не сказал, что любит ее без памяти. Чувства, что испытывал к этой женщине, вообще сложно назвать любовью. Скорее, делая свой выбор, Малышев рассуждал так же, как и в бизнесе, – холодно и трезво. Не сердцем, печеню и прочим ливером, как призывают политики в дни очередных выборов когонибудь куда-нибудь, а полностью включив мозг. И ни разу не пожалел о сделанном однажды выборе. Эта женщина оказалась отличной женой – не пустилась во все тяжкие, почувствовав вкус больших денег мужа, не шлялась бездумно с одной псевдосветской тусовки на другую. Зато прекрасно дополняла супруга во время деловых переговоров в неформальной обстановке, была отличной матерью их сыну и, насколько знал Малышев, оставалась ему верна.

Короче говоря, Вероника была тем самым надежным тылом, о котором мечтают многие мужчины. И его мужской долг сделать так, чтобы Вероника и дальше чувствовала себя рядом с ним как за каменной стеной. Значит, необходимо выйти отсюда и разрушить козни врагов. Вот этим он и займется в самое ближайшее время.

3

– Здорово. – Мужчина, протягивающий руку, был уже немолод. Однако Дед даже навскидку, приблизительно не смог бы назвать его возраст. Гладкая кожа лица, молодые яркие глаза. И – густая седина. То ли преждевременная, то ли уже возрастная...

– Здравствуйте, – вежливо ответил таджик, пожимая крепкую и твердую сухую ладонь незнакомца.

– Время тянуть не будем, сразу перейдем к делу. – С первых же секунд этот человек взял инициативу в разговоре в свои руки. – За тебя «подписались» довольно серьезные люди, поэтому говори – что нужно?

– А что имеется? – осторожно поинтересовался Шовкат.

– Все, – не раздумывая, ответил мужчина. – Любая спецтехника. В том числе и не совсем законная.

– Ну-у... – призадумался Сабилов.

– Тогда попробуем по-другому, – усмехнулся незнакомец. – Какие задачи предстоит решать?

– Взять под контроль группу отморози, – ответил таджик.

– Телефоны, машины – в смысле перемещения? – уточнил незнакомец.

– Наверное, – согласился бывший пограничник.

Мужчина, оглянувшись по сторонам, открыл стоящий рядом с ним потертый портфель и вытащил яркие каталоги.

– Смотрите, – передал он их в руки Шовкату.

– Э-э-э... – Таджик несколько смутился. – Я, как бы это сказать... не специалист. Нет, работать смогу, а вот чтобы подобрать... Хорошо бы было, если бы вы... Совет, короче, нужен.

– Понятно, – усмехнулся незнакомец, который за все время общения так и не нашел нужным представиться. – Тогда поехали...

Минут пятнадцать ушло на то, чтобы Шовкат – с помощью незнакомца, который поработал в качестве рекламного агента – разобрался во всем.

– Так... – Таджик еще раз пролистнул каталоги, после чего уверенно ткнул пальцем. – Вот это. Два комплекта. Вот это... И – вот это.

– Ого! – Впервые за весь разговор с лица незнакомца соскользнула слегка рассеянная улыбочка. – А вы знаете, сколько это будет стоить?

– Деньги не имеют значения, – теперь уже победно ухмыльнулся Шовкат. – Когда я смогу получить товар?

– Ну, если вас интересуют именно эти образцы, то в течение двух недель, – сообщил седой. – Я сам выйду на связь.

– Две недели – это много, – растерялся таджик. – Через две недели оно нам, может, и вообще не понадобится.

– Тогда могу предложить другой вариант. – Продавец вел себя довольно уверенно. – Я бы мог поставить вам нужный товар уже завтра. Правда, не фирму, а отечественные аналоги, изготовленные по тем же спецификациям. Внешний вид – должен сразу признать – несколько отличается, но в остальном... И соответственно стоить это оборудование будет дешевле.

Шовкат на мгновение задумался. Потом решительно сказал:

– Хорошо. Комплект отечественного оборудования – завтра. И еще два – в течение двух недель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.